

ББК 63.3(2)47

Р27

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-01-16052д*

Рецензенты:

Ю.А. Петров, С.В. Тютюкин

Ответственный редактор А.Н. Цамутали

Составитель А.Л. Хорошкевич

Рахматуллин М.А.

Р27 Екатерина II, Николай I, А.С. Пушкин в воспоминаниях современников / Отв. ред. А.Н. Цамутали, сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 640 с.

ISBN 978-5-88451-263-4

Сборник работ известного специалиста по истории великорусского крестьянства XIX в. доктора исторических наук, многолетнего заместителя главного редактора журнала «История СССР / Отечественная история» Моргана Абдуллоевича Рахматуллина (1927–2006) включает работы последних 15 лет по разным аспектам взаимоотношений самодержавия и общества. В первых трех частях книги представлены портреты Екатерины Великой и Николая I в их самохарактеристиках и противоречивых оценках соотечественников и иностранцев и современника последнего – гениального поэта, писателя, историка и мыслителя Александра Сергеевича Пушкина. Четвертая часть включает опубликованные и неопубликованные рецензии автора, его раздумья о путях исторической науки, долге историка, его праве «выпрямлять» криволинейное развитие страны в прошлом. В приложении помещены фрагмент дневника 1928 г. А.Г. Рахматуллина (перевод с татарского), а также полный список работ автора.

Написанные ярким и живым языком работы М.А. Рахматуллина, честного, скромного и порядочного ученого – истинного патриота России, вызовут интерес читателей, задумывающихся над историей Отечества и его будущим, станут хорошим подспорьем для преподавателей школ, вузов и учащейся молодежи.

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-88451-263-4

© Хорошкевич А.Л., составление, 2009

© Рахматуллин М.А., 1990–2006

© Яковлев В.Ю., оформление, 2009

Оглавление

От составителей	5
Памяти Моргана Абдулловича Рахматуллина (<i>Н.И. Павленко</i>)	7
Светлой памяти М.А. Рахматуллина (1927–2006) (<i>С.В. Тютюкин</i>)	10
«Я – не историк» (<i>А.Л. Хорошкевич</i>)	13

Часть первая

Императрица Екатерина Вторая

Глава I. Непокоримая Екатерина	41
Глава II. Фавориты	96
Глава III. Интеллект власти	118

Часть вторая

император Николай I и его царствование

Предисловие	133
Глава I. Путь к трону	150
Первые годы жизни. Становление личности	150
«Мамаша родила большущего мальчика...»	151
Воспитатели и воспитанники великого князя Николая Павловича	153
Путь к трону	164
14 декабря 1825 года	174
«Компасом для меня служит моя совесть»	182
Глава II. Николай I на троне	215
«Очистил Отечество от следствий заразы»	215
Два мира: Россия и Европа	225
«Все должно идти постепенно...»	246
Законы и беззаконие	260
«Окончить и привести в действие...»	276
«Я этого не знаю...»	283
Глава III. Жрец самодержавия	300
Никакого всезнайства и противодействия	300
«Я иду прямо своим путем...»	306
«Россией управляет класс чиновников...»	309

Что за человек был Николай Павлович?	318
Глава IV. Царские министры, генерал-губернаторы и губернаторы (фрагменты)	345
Вместо заключения. Император Николай I глазами современников	383

Часть третья

А.С. Пушкин, самодержцы и самодержавие

«Властитель слабый и лукавый»	397
«Беру уроки чистого афеизма»	403
«Я не прошу полу-милостей»	404
«Господа, это Пушкин мой»	410
«Не ведает царь, что делает псарь!»	412
«Я не приобрел доверия власти»	420
«Нельзя ли этого поправить?»	423
«Разве такая махина, как Россия, может жить без самодержавия?»	437
«Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства...»	447

Часть четвертая

Избранные статьи 1990-х гг. – 2006 г.

Декабрист Сергей Волконский	461
Об одном мифе из истории освободительного движения в России	493
Губернаторы и губернаторство в России. 1826–1855 гг. (Обзор литературы)	529
Алгебру гармонией поверить. К выходу в свет «Оренбургской Пушкинской энциклопедии»	557
Отзыв о диссертации А.Б. Каменского «От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа» [Фрагмент]	571
«Развилка» «развилке» рознь	576
Энциклопедия по истории общественной мысли России XVIII – начала XX в.	585
Смоленск в августе 1812 года	598

Приложения

Из дневника А.Г. Рахматуллина. Деревня Наласа Арского района в 1928 году	611
Список печатных трудов М.А. Рахматуллина (30.V.1927– 14.X.2006) (В.Г. Арутюнян)	630
Список принятых сокращений	637

От составителей

После трагической гибели М.А. Рахматуллина московские и питерские коллеги во главе с академиком А.А. Фурсенко высказали пожелание издать том его трудов, включив туда монографию о крестьянском движении*. Однако составители ограничились воспроизведением работ Моргана Абдулловича, написанных в последние годы жизни на новом, совершенно особом этапе его творчества, а именно – чрезвычайно актуальных для нашего времени блистательных статей о Екатерине Великой**, ряда столь же актуальных статей и монографии о Николае I*** и А.С. Пушкине, эссе о декабристе Сергее Волконском и некоторых других работ. В приложении помещен дневник А.Г. Рахматуллина 1928 г., подготовленный к печати самим Морганом Абдулловичем (перевод с татарского).

Составители приносят благодарность Борису Моргановичу Рахматуллину за предоставление текстовых и иллюстративных материалов, рецензентам Ю.А. Петрову и С.В. Тютюкину, авторам мемориальных статей Н.И. Павленко и С.В. Тютюкину, Н.Д. Маркиной за консультации по литургическим вопросам, а также проф. И.Г. Добродомову и директору Центра военно-патриотического и гражданского воспитания (г. Москва) генерал-полковнику Р.С. Акчурину за помощь в получении копии личного дела М.А. Рахматуллина (до 1986 г.), хранящегося в Архиве ИРИ РАН.

В подготовке работ к печати участвовали В.Г. Арутюнян (составление списка работ, подготовка к печати фрагментов неизданной IV главы о Николае I), В.К. Шахбазова (подбор иллюстраций, многочисленные библиографические справки) и А.Л. Хорошкевич (вступительная статья, составление).

* ОИ. 2007. № 2. С. 219.

** Помимо опубликованных работ о Екатерине II в компьютерном варианте сохранилась окончательная редакция текста, напечатанного в 2003 г. в «Науке и жизни». Два фрагмента оттуда включены в настоящий сборник.

*** Судя по авторскому рукописному черновику оглавления, не сохранилась гл. 4 – о министрах и генерал-губернаторах. В связи с этим во второй части книги помещен черновик (фрагменты) этой главы, а в Приложении – обзор историографии о генерал-губернаторах 1997 г., получивший положительный отзыв В.Я. Гросула, но до печати не дошедший.

К сожалению, некоторые разделы книги (особенно во второй ее части, посвященной Николаю I) автор не успел отредактировать для печати; делать же это сейчас составителям показалось неуместным. Поэтому в ряде мест в тексте сознательно сохранены отдельные повторы, изъятие которых нарушило бы логику изложения мыслей автора. Ссылки на источники и литературу не унифицированы, т.к. в разных частях книги, написанных на протяжении последних 16 лет жизни, автор использовал разные издания одних и тех же произведений. Не полностью проведена унификация наименований архивов. Так, в работе «Об одном мифе из истории освободительного движения в России» сохранены названия архивов советского времени.

Объем сборника, намного превысивший предполагаемый в начале проекта, лишил возможности включить указатель имен, составители приносят в связи с этим извинения будущим читателям.

Памяти Моргана Абдулловича Рахматуллина

Признаюсь, я в своей жизни не встречал человека, награжденного таким обилием добродетелей. Со времени трагической гибели Моргана Абдулловича Рахматуллина истекло более двух лет, а у меня перед глазами все возникает его обаятельная улыбка, излучавшая доброту и расположение к собеседнику. По порядочности его можно поставить на одну доску с моим другом Ароном Яковлевичем Аврехом, а по скромности – с Реджинальдом Васильевичем Овчинниковым.

Отношения между нами были дружескими, доверительными, но не столь близкими, чтобы их назвать теплыми. Вероятно, здесь имела значение разница в возрасте и семейные обстоятельства Моргана Абдулловича (о которых я расскажу ниже) – на квартире у него я был единственный раз много десятилетий тому назад. Морган Абдуллович меня навещал чаще, но главным средством общения был телефон – наши беседы иногда продолжались свыше часа.

Перечисленные достоинства у Моргана Абдулловича сочетались с принципиальностью. Чтобы не быть голословным, приведу пример из личных с ним отношений. Однажды мне довелось написать положительный отзыв на статью ученика с рекомендацией к опубликованию в журнале «Отечественная история». Моргану Абдулловичу статья не понравилась, у него были какие-то замечания. После его беседы с автором я по телефону спросил, чем она закончилась. Морган Абдуллович ответил: «Ничем. По-моему, когда я высказывал свои замечания, у автора был отсутствующий взгляд, и он оставил без внимания мою критику». На том и разошлись. Статья так и осталась неопубликованной. Я был не в обиде, ибо имел представление об упрямой натуре своего ученика.

Но не за перечисленные добродетели мы ценим Моргана Абдулловича, а за то, что он, будучи историком, внес весомый вклад в историческую науку и занял определенную нишу в историографии своей монографией «Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1837 гг.».

Крестьянскому движению в XIX столетии посвящены десятки монографий и статей, в том числе принадлежащие таким крупным исследователям, как академики Н.М. Дружинин, И.Д. Ковальченко, Л.В. Ми-

лов, и многочисленным докторам наук, среди которых выделяются Б.Г. Литвак и П.Г. Рындзюнский.

В обилии исследований Рахматуллин обнаружил такие недостаточно разработанные или дискуссионные проблемы, как изучение повседневных форм борьбы крестьян, выразившихся в их бегстве, «выявление роли и места в движении различных прослоек крестьянства, характеристика народных слухов и толков, как мощного фактора социальной активности крестьян, изучение влияния крестьянского движения на внутреннюю политику самодержавия». Другая исследовательская заслуга доктора исторических наук М.А. Рахматуллина состоит в том, что он в своей монографии уделил пристальное внимание изучению проблемы, находящейся в стадии разработки, – общественное сознание крестьян, «соотношение социальных, психологических и идеологических компонентов, соотношение стихийного и сознательного, объективного и субъективного в борьбе крестьян». Короче, Морган Абдуллович не ограничился изложением событийного материала, а предпринял попытку проникнуть в идейную суть различных форм крестьянского движения.

До выхода в свет монографии Морган Абдуллович ряд глав ее опубликовал статьями, часть его наблюдений оспаривалась некоторыми специалистами. Рахматуллин ответил своим критикам в монографии, обнаружив при этом не только талант полемиста, но и вдумчивость ученого, глубоко проникшего в проблему и обоснованно опровергавшего доводы своих оппонентов.

Список трудов, принадлежащих перу доктора исторических наук М.А. Рахматуллина, сравнительно невелик. Отчасти это объясняется особенностью его трудовой деятельности – в течение нескольких десятилетий он работал в журнале «Отечественная история» (до 1991 г. – «История СССР»), где сначала заведовал отделом досоветского периода истории СССР (Российской Федерации), а затем заместителем главного редактора. Характер работы требовал от Рахматуллина, во-первых, эрудиции, способности определить ценность или никчемность присылаемого в редакцию материала более чем за тысячелетнюю историю страны, во-вторых, затрат немалого времени и энергии, чтобы довести материал до надлежащих кондиций. Мне известна высокая оценка работы Рахматуллина главным редактором журнала С.В. Тютюкиным.

Существует еще одна причина, ограничивавшая творческие потенции Моргана Абдулловича. В беседах с Морганом Абдулловичем я часто упрекал его в творческом бессилии, в лености «восточного» человека, в нежелании положить свой талант на алтарь исторической науки. Морган Абдуллович на мои упреки вяло возражал: «Кому это нужно», «История обойдется без моих работ», скрывая подлинную причину, лишившую его возможности посвятить свой талант науке.

Важная деталь, характеризующая личность Моргана Абдулловича: он ни разу не жаловался на трудности и сложности семейной жизни, в

которых ему довелось жить в течение многих лет и которые мне стали случайно известны лишь в последние месяцы перед его кончиной.

Оказалось, что его матушка в течение многих лет была прикована к постели, одновременно заболела и жена*. Разнообразные заботы бытового характера, начиная от покупки продуктов, приготовления еды, уборки помещения и кончая уходом за двумя женщинами, ложились на плечи заботливого сына и супруга.

Эта малоизвестная сторона биографии Моргана Абдулловича характеризует его как скромного и порядочного человека.

*Н.И. Павленко, профессор,
доктор исторических наук
Июль 2008 г.*

* Эмилия Степановна Раевская, историк по образованию, уже в 1978 г. находилась на инвалидности. Она скончалась в марте 2005 г. – *Примеч. сост.*

Светлой памяти М.А. Рахматуллина (1927–2006)

С Морганом Абдулловичем Рахматуллиным (или со студенческих времен просто Мишей) я был знаком – страшно сказать! – 53 года. В 1953–1958 гг. мы учились вместе с ним на истфаке МГУ, затем одновременно были распределены на работу в Институт истории АН СССР, а в 1995–2006 гг. вместе руководили редакцией журнала «Отечественная история». Вот об этом, последнем периоде жизни М.А. Рахматуллина я и хочу рассказать здесь более подробно: ведь для меня как главного редактора этого уважаемого журнала иметь такого заместителя, как М.А. Рахматуллин, было просто подарком судьбы, да и я, в свою очередь, надеюсь, в чем-то скрасил последние годы жизни моего стареющего университетского товарища.

Читатель может не поверить, но при всей разности характеров, научных интересов и просто человеческих судеб мы за все эти 11 лет, мирно деля с Мишей один рабочий кабинет и дважды в неделю по так называемым «присутственным» дням по несколько часов сидя там друг против друга, умудрились ни разу не то чтобы поссориться, но даже более или менее резко разойтись в оценках событий, людей или материалов, предназначенных для нашего журнала. И хотя мы не были друзьями в общепринятом смысле этого слова, т.е. не дружили семьями, не встречались во внеслужебной обстановке, не обсуждали откровенно общих знакомых, особенно женщин, и т.д., но нашим отношениям могли бы позавидовать очень и очень многие. Мы целиком и полностью доверяли один другому, уважали и ценили я его, а он – меня и счастливо избежали взаимной зависти, каких-то интриг и «подсидивания» друг друга в карьерных целях. Миша был образцово порядочным и честным человеком, очень справедливым и достаточно великодушным, не мстительным и не злопамятным, что делало его надежным и верным товарищем. Поэтому, несмотря на разницу в возрасте (он был на 8 лет старше меня) и несхожесть характеров (он был резче и в чем-то смелее меня), мы прошли эти 11 лет совместной работы в редакции «Отечественной истории» вполне достойно, нередко получая настоящее удовольствие от общения друг с другом.

Миша был очень сдержанный, во многих отношениях закрытой, даже суровой натурой. Но с теми, кому он симпатизировал, он был сов-

сем другим: так, он нередко угощал меня плодами со своего дачного участка, давал ценные медицинские советы, делился разными меткими житейскими наблюдениями. В семейной жизни он не был особенно счастлив: его жена – наша однокурсница Эмма Раевская многие годы тяжело болела, а сын так и остался холостяком. Поэтому работа на дачном участке была для Миши настоящей «отдушиной», позволяя не только активно отдохнуть, но и забыть на время о житейских горестях и неприятностях. Одевался Миша очень скромно, но всегда был подтянут, чисто выбрит, вежлив с посетителями редакции и неизменно приветлив со мной.

В профессиональном плане мы хорошо дополняли друг друга: сферой его непосредственных научных интересов был XVIII и первая половина XIX в., а моих – вторая половина XIX и начало XX в. При этом за 36 лет работы сначала в редакции «Истории СССР», а потом «Отечественной истории» он накопил огромный багаж конкретно-исторических знаний, хорошо разбирался в историографии, знал все тонкости издательского дела. Пожалуй, его любимыми темами, которыми Миша занимался, что называется, «для души», были декабристы, А.С. Пушкин, Екатерина II и Николай I. Что касается его кандидатской (1967) и докторской (1988) диссертаций, то они были посвящены крестьянскому движению в России в 1826–1856 гг. Недаром своими учителями он считал академика И.Д. Ковальченко (под руководством этого крупного ученого Миша с 1970 г. 18 лет работал в редакции журнала «История СССР», став с 1980 г. его заместителем) и П.Г. Рындынского. Думаю, что эти имена говорят сами за себя. Очень уважал Миша и С.С. Дмитриева, оказавшего на него в научном плане большое влияние.

На заседаниях редколлегии М.А. Рахматуллин играл одну из главных ролей. Через него проходили все материалы по истории древней и средневековой Руси. Обязанности рецензента он исполнял очень тщательно: свои отзывы на обсуждавшиеся статьи он излагал в письменной форме и на редколлегии для экономии времени просто зачитывал их. Они были всегда обоснованны, объективны и абсолютно чужды околонушной конъюнктуре. К замечаниям, связанным с его собственными работами, Миша относился очень внимательно, терпимо и довольно легко шел на внесение изменений в собственный текст. Так было, в частности, и с моей стилистической правкой его текстов, которую он практически всегда с благодарностью принимал. В свою очередь, я старался никогда не ломать его тексты. Так было, в частности, при публикации материалов «круглого стола», посвященного обсуждению энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.», ряду авторов которой Рахматуллин адресовал тогда довольно нелестные, но, на мой взгляд, вполне справедливые замечания. Очень тщательно работали мы с ним и над его последней журнальной статьей – политическим портретом императора Николая I, где Миша вполне объективно показал как сильные, так и слабые стороны этого очень часто идеализируемого ныне российского монарха. На мой взгляд, эта

статья и сегодня остается одним из лучших и наиболее глубоких психологических портретов «победителя декабристов».

Говорят, что в последние годы жизни Миша стал более мягким и внимательным по отношению к сотрудникам редакции и авторам журнала. Не берусь приписать это своему влиянию, но не исключаю, что какую-то роль в этом действительно сыграл я. А может быть, причиной тому просто стал Мишин возраст? Не будем забывать, что его жизнь трагически оборвалась в результате наезда лихача-водителя буквально за несколько месяцев до 80-летия.

В 2004 г. Миша стал жертвой грубого произвола со стороны директора ИРИ РАН Сахарова, отправившего его своим волевым решением на пенсию. Характерно, что, когда в 2000 г. Миша сам хотел уйти с поста заместителя главного редактора «Отечественной истории», Сахаров уговорил его остаться, а затем без каких-либо видимых серьезных причин утратил к нему доверие и прежнее расположение. Видимо, М.А. Рахматуллин стал казаться Сахарову слишком независимым, гордым и «неуправляемым», а таких директор ИРИ РАН, как известно, не любил. Однако на защиту Миши дружно встала научная общественность и Отделение историко-филологических наук РАН, куда я обратился с мотивированным заявлением в защиту Рахматуллина. В результате он был зачислен в штат издательства «Наука», которое выпускает наш журнал, но следы этой психологической травмы у Миши, конечно, сохранились до конца его дней.

В моей памяти и в памяти всех, кто его любил и ему симпатизировал, Морган Абдуллович Рахматуллин навсегда останется как пример многолетнего и бескорыстного служения российской исторической науке, как умный, талантливый ученый и хороший организатор науки.

*С.В. Тютюкин,
доктор исторических наук*

«Я – не историк»

А Вам честь и слава...

С.С. Дмитриев

Было очень мало мужественных и честных историков, которые осмелились идти против официального течения, и одним, по моему мнению, самым талантливым и честным среди них были Вы.

Ю. Кахк

Каждый из тех, кто имел счастье и честь общаться с Морганом Абдулловичем Рахматуллиным (30.05.1927 – 06.10.2006)¹, вероятно, как и я, неоднократно из его уст слышал фразу, вынесенную в заголовок, но всегда вызывавшую внутреннее сопротивление собеседника. Однако в этом утверждении Морган был весь – со своими слабыми и сильными сторонами. По здравом и запоздалом размышлении можно понять, пожалуй, будто автор этого заявления в какой-то степени был прав, если считать, что речь шла о «советском» историке. Стопроцентным советским историком он, конечно, не был. Он не лгал и не «колебался вместе с линией партии» (тогда называвшейся Коммунистической), хотя и был ее членом с 1964 г., как делало подавляющее большинство его и наших коллег. Он был исключением – и в мире тех навек испуганных интеллигентов, родственники и коллеги которых нашли свою гибель в ГУЛАГе или просто теряли возможность продолжать заниматься любимым делом, и в мире карьеристов, цинично ни во что не ставивших интересы Отечества, в любви которому они постоянно клялись, но живших ради материального процветания собственного и их семей. «Не историк» и потому, что его душевный мир был шире, богаче, чище и глубже аналогичного членов корпоративного мирка профессиональных историков, а интересы не ограничивались сферой истории, выходили далеко за ее пределы.

И конечно, Морган Абдуллович был совершенно не прав... В этом заявлении отразились природная, даже несколько гипертрофированная скромность и то особое самосознание, которое ныне кажется связан-

ным с крестьянским традиционным менталитетом, а раньше было присуще весьма значительному числу русских людей (а возможно, и татар, судьбы которых неразрывно связаны с русскими). Сошлюсь на любимую поговорку собственного деда: «Молодец среди овец, а против молодца сам овца», которую тот постоянно применял по отношению к самому себе. Случай Моргана Абдулловича не тот, когда говорят, что «уничуждение паче гордости» (тоже из стародавних дореволюционных времен), а естественное состояние духа, очень отличавшегося от правильно советского или, тем более, правильно постсоветского, эгоистично устремленного к собственному успеху. Морган Абдуллович и внешне, и в отношениях с людьми казался если не инопланетянином, то иностранцем (теперь с уверенностью могу сказать – похожим на японцев с их опасением сделать неприятность соседу, начальнику, подчиненному, случайному попутчику) и высочайшим чувством ответственности не только за себя, но и за другого².

Проследим же жизненный путь автора публикуемого сборника, понимая, как и он, что этот путь формирует «мировидение, самосознание» (№ 78. С. 204) шествующего или бредущего по нему человека.

М.А. Рахматуллин родился 30 мая 1927 г. в пос. Мелеуз (ныне городе) Башкирской АССР. Сын рядовых татарских (казанско-татарских) интеллигентов первого поколения, посвятивших всю жизнь просвещению и обучению народа³, он не потерял внутренней связи с душевным миром своих родителей, свято веривших в торжество разума и справедливости. Они принадлежали к той новой интеллигенции «от сохи и станка», выращивать которую вовсе не собирался основатель Советского государства⁴, но на которую возлагал надежду спасения России (именуемой ныне «постсоветской») религиозный православный философ, провидец нашего сегодняшнего дня и эпохи Г.П. Федотов. Мать Хуршида Сиразеевна (01.01.1904 – 02.09.1995) преподавала в начальных классах и делала это так, что десятилетия спустя ее ученики с благодарностью вспоминали первые уроки доброты и порядочности Заслуженной учительницы Башкирской АССР (звание присуждено 20.03. 1944), награжденной медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны и орденом Трудового Красного знамени. Отец Абдулла Галеевич (1896–1938) также был учителем и рано включился в просветительскую деятельность, однако уже в 1928 г., как показывает его дневник⁵, не принимал многих штампов и стандартов новой властной элиты. Сложная нервная организация отца в условиях Большого террора не выдержала, и он скончался, едва миновав 40-летний рубеж.

Память об их разносторонней деятельности ученики берегли всю жизнь⁶. Родители М.А. Рахматуллина не только преподавали в мелеузской школе, но организовали там самодеятельный театр, где в 1926–1928 гг. при свете керосиновых ламп и выступали накануне базарных дней. После 1928 г., после закрытия мечетей и многочисленных церквей, выступали в мечети. Мать играла на мандолине, отец – на скрип-

ке, он же пел байты – частушки. Существовал и оркестр, как вспоминала 16.02.1989 г. одна из его участниц Л. Габдуллина. Родители пользовались высочайшим авторитетом в поселке, и ни один брак не заключался без их благословения, воспитанные ими ученики были истинными патриотами, как и их собственные дети. Старший, Казбек (14.09.1924 – 26.09.1942), ушел добровольцем на фронт и погиб 26 сентября 1942 г. за две недели до своего 17-летия⁷. Тогда же смерть настигла и одного из преданнейших учеников Хуршиды Сиразеевны, которой он в своих письмах внушал веру в неминуемую победу⁸.

62 письма Казбека (оригиналы и копия, сделанная матерью) дают представление о подготовке юношей-добровольцев к будущим боям, их передвижении к фронту (Уфа–Гурьев (март – 20 мая), Илецкая защита, Плес, Саратов (26 мая), Ртищев, Москва (31 мая), Можайск (1 июня – 2 сентября) и сталинградский окоп (14 сентября), где и погиб сам Казбек). Письма рисуют человека собранного и жизнерадостного, упорного в обучении (он мечтал еще сдать экзамены за 10-й класс), творческого (вплоть до конца августа он, продолжая семейные традиции, участвовал в самодеятельности), отличника по военно-теоретическим дисциплинам (Дисциплинарному и двум другим уставам), строевой (в особенности перед парадом 1 мая) и боевой подготовке, которая началась лишь в Можайске («Мы учимся так здорово, что на фронте будем отличными бойцами» – 6 июля; «целимся» – писал он в августе), заботливого и любящего сына и брата (он использовал каждую свободную минуту, чтобы написать домой). 3 августа, за полтора месяца до гибели он, к тому времени уже командир стрелкового отделения, сам обучавший новобранцев, сообщал матери: «Отделение меня уважает. В роте меня все знают как самого веселого и голосистого».

В конце августа 1942 г. красноармейцев 1923 г.р. отправляли на фронт, вместе с ними по ошибке или по иной какой причине на фронт попал и Казбек 1924 г.р. В последнем письме от 14 сентября читаем: «За время пребывания в армии я столько видел всякой всячины, что можно написать целую книгу».

Правду об «Окопах Сталинграда» и «всякую всячину» о войне писали и В. Некрасов, в результате лишившийся Родины, и В.П. Остафьев, которого лишь смерть спасла от «патриотов», готовых ныне его за эту правду «казнить».

Жизнь самого М.А. Рахматуллина оказалась разделенной войной на две части. Школу он закончить не успел и по окончании 8-го класса пошел на трехмесячные курсы шоферов, в 15 лет от роду сел за руль: с июля 1942 г. по июнь 1944 г. работал сначала слесарем-мотористом, а потом шофером Стерлитамакской автотранспортной роты. После гибели на фронте 17-летнего старшего брата младший, едва достигший 16 лет, добровольно вступил в армию в июне 1944 г. и попал курсантом в Криворожскую авиашколу пилотов ГВФ (06.1944 – 03.1947), что и позволило ему уцелеть в годы войны. Однако М.А. Рахматуллин был задержан в армии на долгие годы – в общей сложности он провел в ней

8 лет (в 1947–1952 гг. он проходил службу электромехаником в авиационных частях Киева и Ворошилова-Уссурийского). Уволившись в запас (с медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «XXX лет Советской Армии и флота»⁹), он в 1952–1953 гг. продолжал работать шофером-механиком автобазы городской больницы в Уфе. Его жизненный опыт – семейно-деревенский, семейно-преподавательский, шоферско-армейский – сформировал натуру цельную, как монолит, не подверженную порче конъюнктурой, погоней за деньгами и должностями¹⁰. Он унаследовал от родителей неистребимую честность, мягкую доброжелательность, детскую доверчивость к людям и уважение к своему труду, наставникам и предшественникам¹¹.

По совместительству с работой автомехаником М.А. Рахматуллин в 1952–1953 гг. закончил 9-й и 10-й классы школы рабочей молодежи г. Уфы и поступил на истфак МГУ, где специализировался по истории СССР периода капитализма. Конечно, состав студентов отличался от описанного К.Н. Тарновским. Уже редки были «люди в шинелях и военных гимнастерках, еще не снявшие погоны и не отвыкшие от привычки надевать ордена в праздничные дни»¹². Однако характеристика, данная Тарновским студентам – бывшим фронтовикам, вполне приложима к М.А. Рахматуллину. Они, как и он, «были на 5–10 лет старше своих сокурсников <...> и лучше представляли, зачем пришли, чего хотят и что нужно для того, чтобы получить больше знаний <...> они иначе подходили к предмету, стремились схватить и понять его глубже, разобраться доскональнее <...> Таких студентов не нужно было заставлять учиться, опекать, контролировать. Они ждали и требовали от преподавателей совершенно иного – капитальных знаний, доверия в ходе работы, бескомпромиссности в оценке полученных результатов. Еще ценили они масштабность и новизну замыслов своих наставников, актуальность тем»¹³. Моргану Абдулловичу повезло с преподавателями, среди которых были такие известные ученые, как энциклопедист, тонкий и глубокий знаток отечественной культуры С.С. Дмитриев¹⁴, специалист по истории городов и крестьянства П.Г. Рындзюнский, а также тогда еще молодой исследователь аграрной истории, активно внедрявший математические методы в изучение прошлого – И.Д. Ковальченко¹⁵. На последних курсах Морган Абдуллович занимался историей внешней политики России под руководством С.К. Бушуева.

Дипломная работа, «интересная и содержательная» (по характеристике декана истфака И.А. Федосова от 29 апреля 1958 г.), была посвящена малоисследованной теме «Англо-русские противоречия в Средней Азии в конце XIX в. (Афганский кризис 1885 г.)», которую он разработал «вполне самостоятельно и очень глубоко»¹⁶.

Сразу после защиты дипломной работы, даже до государственных экзаменов, 29 апреля 1958 г. Рахматуллин был распределен на работу в Институт истории АН СССР. Отныне вся его жизнь вплоть до 2005 г. была связана с этим учреждением (как бы ни менялись его наименования: первоначально – Институт истории АН СССР, после 1968 г. – Ин-

ститут истории СССР АН СССР, с 1992 г. – Институт российской истории РАН). По окончании с отличием университета М.А. Рахматуллин начал работать в Институте 1 сентября 1958 г. Его привлекли специально для подготовки к печати «Истории России» С.М. Соловьева. В условиях начавшейся – и в исторической науке – «оттепели» возник живой интерес к классическому наследию отечественной историографии. Усилиями А.А. Зимина и В.А. Александрова переиздавались труды В.О. Ключевского. Институт истории взял на себя обязанность подготовить многотомный труд Соловьева, а издательство «Мысль» – его опубликовать. В течение нескольких лет М.А. Рахматуллин был вынужден заниматься именно этим: в 1958–1960 гг. в качестве научно-технического сотрудника сектора капитализма и с сентября 1959 г. – сектора феодализма, после 1960 г. в качестве младшего научного сотрудника. Работа заключалась в уточнении научного аппарата знаменитого историка, во времена которого не было принято давать точных ссылок, и переводе их на более новые издания, если таковые имели место. Задание невольно вводило в творческую лабораторию Соловьева и знакомило с очень широким кругом источников по истории России, в том числе и архивных. М.А. Рахматуллину достались тома, посвященные концу XVI в. и почти всему XVII в., вплоть до правления Софьи (кн. V, т. 10; кн. VII, т. 13), третьей четверти XVIII в. (1749–1768; это были кн. XII, т. 23 и кн. XIV, т. 27). Каждый, кто прошел школу ученичества «под руководством» С.М. Соловьева, поневоле становился специалистом в том или ином периоде отечественного прошлого. Для многих опыт работы в этих пределах оказался определяющим при выборе собственной тематики, для М.А. такую роль сыграла подготовка томов по истории конца XVIII в., к которой он обратился на третьем этапе творческого пути.

В работе над «Историей России» М.А. Рахматуллин складывался и как историограф. В томе XII (1749–1761) ему было поручено написать и историографическое послесловие, неправильно именовавшееся в издании «комментарием». В нем он показал себя вдумчивым и внимательным исследователем творчества С.М. Соловьева.

Первый период его творчества, довольно краткий (1967–1972), точнее всего может быть назван **временем поиска собственной проблематики**, по преимуществу ограниченной историей крестьянства. Выбор отнюдь не случайный. Опыт первого исследования в сфере внешней политики обнаружил всю зыбкость возможностей в этой сфере, позже убедительно доказанную событиями 1980 г. Для историков советского времени, которые не хотели или просто органически не могли кривить душой, оставались другие прибежища – прежде всего источниковедение и история народных масс, которые вопреки очевидности выдавались за творцов прошлого, настоящего и будущего. В своей статье 1967 г. сам Рахматуллин подчеркивал, что главной социальной силой в первой четверти XIX в. было крестьянство (№ 7. С. 548)¹⁷. А в учебнике 2003 г. выразился еще точнее, полагая, что крестьянский

вопрос был «основным и вечно актуальным вопросом российской действительности» (№ 84. С. 793).

К истории крестьянства молодого исследователя склоняли и некоторые семейные традиции, и студенческие занятия под руководством С.С. Дмитриева (см. ниже). Поэтому параллельно с подготовкой к печати труда С.М. Соловьева (X и XIII томов) в 1958–1960 гг. Рахматуллин под руководством В.Д. Мочалова собирал материал по теме «Социально-экономический строй закавказской деревни на рубеже XIX–XX вв.»¹⁸ и вел самостоятельно работу над темой «Крестьянская промышленность западных губерний России в первой половине XIX в.». Однако от этих тем он позднее полностью отказался, сосредоточившись на истории великорусского крестьянства. В последующие пять лет (1961–1966) работу над Соловьевской «Историей» он совмещал с написанием под руководством П.Г. Рындзюнского¹⁹ диссертации «Крестьянское движение в России в 1826–1829 гг.», защищенной 25 мая 1967 г. (№ 8). В ней были сфокусированы многие направления дальнейших исследований этой темы. Автор охарактеризовал особенности периода, когда на смену крестьянским войнам, свойственным предшествующему периоду – времени становления капиталистических отношений в России, пришли мелкие формы локальных выступлений – повседневных, по преимуществу в виде жалоб и прошений, редко сопровождавшихся волнениями. Он поставил вопрос о влиянии декабристского восстания на движение крестьянства, рассмотрел разные его категории и степень вовлеченности в движение каждой из них – помещичьих и вообще частновладельческих, удельных и государственных (при общем, разумеется, приблизительном числе участников крестьянских волнений свыше 95 тыс. человек оброчные крестьяне составляли 49%, барщинные – 9,65, государственные – 9,8, удельные – 19%. С. 19). Укажем, кстати, что подобные статистические данные относительно крестьянских выступлений были новостью, равно как и аналогичный опыт Б.Г. Литвака²⁰.

Среди требований крестьянства важное место занимали прошения об освобождении от власти помещиков и переводе в казенное ведомство. Процесс расслоения крестьянства, нараставший параллельно с развитием капиталистических отношений, пусть и сравнительно робким, менял характер требований. Так, зажиточное торгово-ремесленное крестьянство, интересы которого ущемила гильдейская реформа 1824 г., поддерживало его лишь до определенного момента (с. 25–26). Особую главу диссертации автор посвятил проблеме крестьянской «идеологии», весьма слабой и несовершенной, точнее, крестьянскому самосознанию с весьма ограниченным представлением о свободе (для помещичьих – лишь личной), идеалом которой было пребывание в казенном ведомстве. И в этой связи изучал влияние городских разночинцев на крестьянское движение и связи движения декабристов с борьбой крестьянства (№ 7, 9, 31, 34).

Первый этап самостоятельной деятельности М.А. Рахматуллиной проходил на фоне хрущевской оттепели, сказавшейся на исторической

науке с некоторым запозданием. Однако лишь благодаря ей местом проведения двух мировых конгрессов – исторического и экономического – был избран СССР. Московский исторический и Ленинградский экономический конгрессы сопровождались, как это ни странно, вовлечением «молодежи»²¹. Среди нее оказался и М.А. Рахматуллин. Ко второму из них он подготовил весьма фундаментальное исследование о хлебном рынке и ценах на хлеб в России в первой половине XIX в. Автор подчеркнул своеобразие российского хлебного рынка, которое заключалось в сезонности²², что зависело от возможностей транспортировки по санному пути – зимой в это занятие было вовлечено свыше 3 млн человек, а летом лишь 800 тыс. (№ 14. С. 357)²³. Транспортировка определяла и сезонность цен, во многом, впрочем, зависевших от местных условий, в том числе и природных, и особенностей социально-экономического развития (в потребляющих районах цены были более высокие, равно как и в районах оброчного хозяйства). При отсутствии украинского хлеба на российском рынке из-за неудобств доставки конкурировали друг с другом лишь помещики и крестьяне, но даже подобная конкуренция способствовала понижению цен на хлеб в середине 20-х годов XIX в. Работа М.А. Рахматуллина примыкала к тому новому экономико-статистическому направлению в историографии, которое особенно интенсивно разрабатывали И.Д. Ковальченко, уже подростком увлеченный математикой, а вслед за ним и Л.В. Милов.

Проведение мировых конгрессов в СССР было возможным лишь благодаря модернизационной политике ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. «Оттепель» в исторической науке приоткрыла дверь и к знакомству с работами зарубежных коллег (причем уже не только соотечеря). В соответствии с духом времени в секторе феодализма была создана группа иностранной научной информации из числа сотрудников, знавших иностранные языки. Сбор сведений об англоязычной литературе был поручен М.А. Рахматуллину. Кроме того, члены группы должны были проверять и выходные данные работ, приведенных в библиографическом справочнике зарубежных работ по истории Руси и России (X – начало XVII в.) за 1917–1970 гг., подготовленном А.А. Зиминым. Справочник, к сожалению, пока остается неизданным.

Но вернемся к Моргану Абдуловичу. С марта 1970 г. он дополнительно к основной работе исполнял обязанности заведующего отделом феодализма журнала «История СССР», требовавшие массу времени для редакционно-организаторской работы²⁴. По словам главного редактора журнала И.Д. Ковальченко, Морган Абдулович успешно справлялся «с определением наиболее актуальных проблем, оценкой материалов портфеля, установлением контактов с научными учреждениями и учеными, с подготовкой материалов к печати. Для него характерны вдумчивое отношение к делу, самостоятельность, оперативность» (1971). Хотелось бы в этой характеристике подчеркнуть слово «самостоятельность» – качество, которое высоко ценили занимавшиеся творческим трудом выпускники университета. Продолжая сравнения М.А. Рахма-

туллина с более старшими коллегами, начатые Н.И. Павленко, стоит заметить, что в качестве редактора журнала его можно причислить к когорте таких самоотверженных подвижников науки, как Исаак Урельевич Будовниц и Александр Исаевич Юхт, вытянувших на своих плечах издание объемных «Исторических записок», выпускавшихся тем же Институтом истории АН СССР.

Длительное пребывание в армии оставило в его мироощущении неизгладимый след (он постоянно испытывал чувство некоторой инородности или инаковости в среде людей, не испытывавших даже сотой доли тех трудностей, которые выпали на его долю, и легко шагавших по ступеням: школа – вуз – аспирантура – защита – престижная в советском обществе работа и достойная зарплата) и в какой-то степени определило его профессиональные интересы. Он долго не мог избавиться от фантомных воспоминаний об армии и изживал их, посвятив в 1969 г. особую статью роли солдат (отставных и отпускных, но уже не крепостных) в крестьянском движении 20-х годов XIX в., в котором зрели идеи «вольной земли», а после смерти Александра I – вольности (№ 10), а другую – в 1972 г. – воинам России в Крымской кампании, того трагического и переломного времени, когда сложились, наконец, предпосылки отмены крепостного права в России (№ 18)²⁵. Военная и военно-социальная проблематика вплоть до 80-х годов не давала покоя исследователю. Плодом его размышлений на эту тему оказались и новаторски неожиданная статья «Рядом с декабристами» 1979 г. о судьбах денщиков, вольнонаемных и крепостных слуг декабристов (№ 35), и цикл работ, посвященных истории русской военной мысли и практики (№ 37, 39, 47).

Не порывал Морган Абдуллович и связей с Уфой, в 1972 г. согласившись оппонировать бывшему соотечественнику Б.С. Давлетбаеву по теме «Отмена крепостного права в Башкирии. Освобождение помещичьих крестьян и горнозаводских рабочих». В 1974 г. он в соавторстве с В.Д. Назаровым сделал доклад «Факторы и формы совместной борьбы народов России в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева» на Всесоюзной научной конференции в Уфе. Среди объективных факторов выступления народов авторы отметили разнообразие и этническую пестроту народов Поволжья, исповедовавших разные религии, преобладание государственных форм эксплуатации, большую роль административно-бюрократического аппарата, а в качестве субъективных факторов (скорее – форм) выделили сравнительно высокую организованность выступления благодаря наличию повстанческого центра, учитывавшего требования различных групп участников войны, знакомых с общими требованиями благодаря широкому распространению пугачевских «манифестов» (№ 25, 29).

Он успел съездить в Венгрию в 1976 г., несколько позднее – в Монголию и в самом начале 90-х годов – в Бельгию. В дальнейшем такие дальние поездки для Моргана Абдулловича стали невозможными из-за семейных обстоятельств.

Вернемся, однако, к хронологическому изложению событий. Начало **второго периода его творчества** можно датировать 1972 г. Этот этап прошел под знаком службы в редакции журнала «Отечественная история» и продолжения исследований крестьянских движений с акцентом на изучение его самосознания, с одной стороны, и государственной политики по крестьянскому вопросу – с другой.

В творческой биографии М.А. Рахматуллина 70-х – 80-х годов основной темой стало изучение общественного сознания крестьянства – сначала только в первой четверти XIX в. При существовавшем в советское время постоянном интересе к истории декабристского движения, который отличал и самого Моргана Абдулловича, на задний план у всех исследователей естественно отходили темы, связанные с идеологией и менталитетом основной массы населения, т.е. крестьянства. Поэтому сама тема, поставленная М.А. Рахматуллиным, и представлялась новаторской. Таковой она может считаться и в наши дни.

М.А. Рахматуллин подходил к ней с разных сторон – и как теоретик, основываясь на трудах В.И. Ленина, и как исследователь, опиравшийся на огромный архивный материал (№ 13, 15, 16, 52, 54), и как историограф, подводивший итоги работ своих предшественников и современников (№ 17, 22, 25, 27, 29, 30). Особо следует остановиться на статье о проблеме общественного сознания крестьянства в трудах В.И. Ленина 1970 г. Она принадлежит к наиболее интересным в сборнике «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма», подготовленной в секторе истории феодализма под руководством Л.В. Черепнина, но во вступительной статье сопровождается осторожной оговоркой: «Не все в построениях Рахматуллина бесспорно. Предметом дискуссии может быть его тезис о многовековой пассивности крестьянства» (№ 13. С. 8). Между тем это положение принадлежит не вышеназванному автору, но В.И. Ленину, который отмечал: «Крепостная Россия забита и неподвижна»²⁶; «Века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что во время реформы (1861 г. – А.Х.) они не оказались способны ни на что, кроме разрозненных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием»²⁷. Проанализировав высказывания В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса относительно общественного сознания крестьянства, автор приходит к выводу об инертности, неустойчивости этой социальной страты феодального общества, не игравшей самостоятельной роли в общественных движениях. Для нее было свойственно обыденное сознание, способное осмыслить лишь «ближайшие, непосредственные практические интересы отдельных индивидов как представителей своего класса» (Там же. С. 401, 402). Зарождение крестьянской идеологии как системы взглядов автор относит к концу XVIII в. и связывает ее со становлением буржуазных отношений (Там же. С. 418), что представляется несколько сомнительным. Зато следующее высказывание автора – о господствующем положении религии в системе общественного сознания (Там же. С. 421) не вызывает возражений. При этом осознание крестьянством сво-

его классового единства «оставалось смутным и большей частью выражалось в чувствах и настроениях»; «сознание крестьян находилось на уровне обыденного; крестьяне боролись за свои ближайшие экономические интересы» (Там же. С. 424, 440). М.А. Рахматуллин в связи с этим цитирует В.И. Ленина: «Вся прошлая жизнь научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»²⁸. Изучение взглядов «классиков марксизма-ленинизма» и конкретный фактический материал, обобщенный в докладе на межвузовской научной конференции в Смоленске в 1972 г. (№ 16)²⁹, приводит М.А. Рахматуллина к выяснению корней «монархических иллюзий, надежд на царя-батюшку» (Там же. С. 435)³⁰, сохранившихся – добавим от себя – в девственном виде вплоть до наших дней. Но и для этого тезиса автор снова прибегает к опоре – высказыванию В.И. Ленина: «Крестьяне не знали, кто их враг. Крестьяне не видели связи помещиков и правительства»³¹. А в 1976 г. выступает со статьей относительно позиции царского правительства по отношению к крестьянству и приводит весьма выразительное заявление Николая I: «Революция на пороге России. Но она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни». Император, понимая серьезность опасности, призывает дворянство «к христианскому и законному обращению с крестьянами», в результате чего, как показывает автор, дела о злоупотреблениях дворян решались исключительно в их пользу (№ 27. С. 173, 177. Ср. ниже № 42).

Было еще одно направление его деятельности, отчасти связанное с должностью редактора, – это рецензирование. Занятие в целом неблагоприятное или, говоря словами самого Моргана Абдуллоевича, «малоблагородный жанр» (№ 76. С. 209), хотя и необходимое с нескольких точек зрения – информационной, чисто научной и просто человеческой. Сам Морган Абдуллоевич не раз жаловался на отсутствие реакции на его публикации (историческое сообщество советского периода, как, впрочем, и нынешнее, конечно, состояло из писателей и вовсе не читателей³²), радовался даже устным отзывам и сам охотно писал рецензии и обзоры проблемных и региональных (типа новгородской 1971 г. № 20) конференций и дискуссий. Свежо и актуально звучит его отчет, написанный совместно Л.В. Даниловой (№ 33), о конференции, посвященной проблемам взаимодействия общества и природы. Может быть, в особенности потому, что сейчас мы страдаем от куриной близорукости советских и постсоветских властей, не поддержавших инициативы историков, озабоченных экологическими проблемами. Вывод авторов отчета о необходимости воспитывать нравственное и эстетическое отношение к природе, уместное еще в 1978 г., когда состоялась конференция, ныне приобретает характер императива.

Среди его рецензий и обзоров – статьи о конференциях, в некоторых из них участвовал и он сам (прежде всего, об абсолютизме в России, № 19), первых международных встречах (советских и польских историков – о политических взаимоотношениях стран Восточной Евро-

пы и Причерноморья, № 28), сборниках документов (в частности, о Крестьянской войне 1773–1775 гг., № 30).

Многосторонняя деятельность М.А. Рахматуллина не могла не повлиять на изменение его статуса. 2 апреля 1981 г. Президиумом АН СССР ему было присвоено звание старшего научного сотрудника, должность которого он занимал с 29.06.1972, а фактически исполнял с 1971 г. Тогда, в 1971 г., в представлении Рахматуллина на эту должность руководитель сектора феодализма Л.В. Черепнин, адресуясь к директору Института П.В. Волобуеву, писал: «М.А. Рахматуллин давно и заслуженно пользуется большим авторитетом среди сотрудников сектора и как интересный, оригинальный исследователь, и как открытый, принципиальный оппонент в научных дискуссиях и обсуждениях, и как доброжелательный, скромный и требовательный к себе человек». Таким он оставался и позже, уже будучи в должности заместителя главного редактора журнала «История СССР», которую занимал с мая 1980 г.

Первоначально Морган Абдулович ограничивался изучением крестьянского движения и самосознания лишь первой трети XIX в., что и стало темой его кандидатской диссертации. Занятия историей крестьянства этого времени, напоенного мечтами о свободе, не могли не вывести автора к двум другим проблемам – творчества певца этой свободы А.С. Пушкина и декабристов – первого поколения борцов за нее. Интерес к Пушкину, «феномену русской культуры, чье творчество по сей день является ее живительным источником» (№ 76. С. 119), в основном нашел выражение в опубликованных трудах автора лишь на третьем этапе его творчества, а на втором появилось постоянное внимание к декабристам, причем в непосредственной связи борьбы крестьянства с восстанием декабристов (№ 9, 31, 34). Но постепенно это направление работы приобрело вполне самостоятельное значение. В архивах М.А. Рахматуллин обнаружил несколько следственных дел, касавшихся жизни декабристских идей после подавления восстания 14 декабря 1825 г. и судеб их носителей. Так, «Дело о найденных у поручика Тарутинского полка Ландсберга рукописных сочинениях, не должных обращаться в публице» 1827 г. (ЦГВИА) не только дало возможность восстановить настроения русского общества после подавления восстания декабристов, ликвидировав – уже в неоконсервативное время – один из мифов советской историографии (№ 64), но и ввести в оборот новый список Радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», притом весьма ранний, близкий к наборному 1790 г. Он отличался, по определению Н. Смирнова-Сокольского, «свободным воспроизведением текста» и был отобран у студента Г. Зелинского (№ 38)³³. В том же архиве хранилось следственное «Дело об отставном поручике Путяте, обличаемом в преступном сочинении бумаг, заключающих дерзкие выражения и злые его умыслы», а в ЦГАОРе – самые эти бумаги – стихи Селиверста Андреевича Путяты. Эти находки позволили публикатору уточнить биографические данные автора «злых

умыслов» и ввести в оборот ранее неизвестные стихотворения. Одно из них достойно цитирования:

Не лучше ли, друзья,
На место фонаря
.....
.....
Повесить на сей столб
Деспота царя?
Тогда бы воссиял
Луч пламенной свободы (№ 43).

К Александру Сергеевичу Пушкину Рахматуллин подходил медленно и – такое впечатление – осторожно. Первая публикация довольно поздняя, в 1992 г. – уже на третьем этапе развития историка, исполненная боли за отсутствие полного академического собрания его сочинений и переписки, касалась лишь опытов издания сочинений поэта (№ 76).

Этот **третий этап** можно назвать эпохой расцвета таланта М.А. Рахматуллина, когда он в основном перешел от изучения крестьянства не только к воссозданию душ подданных, но и образов правителей Российской империи. В 1992 г. в рецензии на монографию Б.Г. Литвака он подчеркнул, что в переломные периоды особое значение приобретают личности реформаторов (как то произошло в 1861 г., когда великий князь Константин Николаевич и его тетка великая княгиня Елена Павловна упорно настаивали на проведении всего комплекса реформ – судебной, земской, военной, школ, университетов, цензуры (№ 63).

Вторая половина 80-х годов, отмеченных некоторым оживлением духовной жизни общества после брежневского застоя, сопровождалась попытками популяризации истории, точнее, исторического знания³⁴. Полное большими достижениями и новыми потерями³⁵ десятилетие открыло и самому Моргану Абдуловичу (с 1 октября 1986 г. ведущему научному сотруднику Института истории СССР), да и читателям новую грань его таланта. Наряду с прежней – крестьянской проблематикой в творчестве М.А. Рахматуллина значительное место заняли работы психолого-социального толка, подспудная подготовка к которым происходила на протяжении всей его жизни. Морган Абдулович принял участие в издании 1987 г. «Сенатская площадь. 14 декабря 1825 г.». Автор проследил основные линии восстания, подчеркнув неподготовленность самих восставших к такому повороту событий (№ 55). Его участие в серии «История Отечества в романах, повестях, документах», основанной издательством «Молодая гвардия»³⁶, потребовало изменения стиля. Освободившись от элементов (к счастью, незначительных) наукообразия, он стал писать ярко, с чувством, но по-прежнему точно. Расширилась и тематика. Результатом стала серия работ о русских императорах, появившаяся уже после развала СССР. В ответ на коллективную монографию «Российские самодержцы 1801–1917 гг.» 1993 г. появились статьи М.А. Рахматуллина о Екатерине II, Николае I и А.С. Пушкине. Работы последнего периода отличаются широчайшей эрудицией (приме-

ром может служить критический отзыв на «Оренбургскую Пушкинскую энциклопедию», № 77³⁷ или «Интеллект власти», № 88), тонким психологизмом и изысканным русским языком, о котором давно уже забыла основная масса русских по рождению историков.

Отклонения в сторону от магистральной темы не мешало разработке истории крестьянства: с течением времени он довел рамки своего исследования практически до отмены крепостного права³⁸, вернее, до времени создания Комиссии по крестьянскому вопросу, которая в отличие от аналогичного Секретного комитета 1839 г. занималась разработкой генерального положения об отмене крепостничества. Эта вторая часть обширного исследования стала основой докторской диссертации на тему «Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг.» (№ 58), которую в 1988 г. он с блеском защитил. В 1990 г. под тем же названием вышла и его монография (№ 61)³⁹. Она суммировала многие новые наблюдения и материалы, заново систематизированные и осмысленные автором. Монографию предваряла статья 1988 г. о социальных настроениях крестьянства, в какой-то степени определявших формы его выступлений. Призыв во время Крымской войны постоять за отечество крестьяне восприняли как обещание свободы. Уверенность в этом была тем более прочной, что уже в 1847 г. был издан указ о праве крестьян выкупать имение в случае продажи его с торгов (№ 58. С. 61–62). Представление о свободной земле вызвало переселение из Ново- и Старооскольского уездов в только что покоренную и «замирненную» Черкесию согласно указу от 31 декабря 1846 г. об освоении черноморского побережья «русскими людьми свободного состояния» (С. 76).

Н.И. Павленко емко и точно определил достоинства единственной монографии М.А. Рахматуллина. К этой характеристике трудно добавить что-либо существенное. Лейтмотив книги – «отсутствие спяяного *едиными* интересами крестьянства в *дореформенной* России» (№ 60. С. 3. Курсив автора. – А.Х.)⁴⁰. Отсюда и социально-стратиграфический метод изучения выступлений, зависевших от социального положения крестьян – помещичьих, дифференцированных в соответствии с числом ревизских душ (С. 38–39), финансового положения владельцев (к 1859 г. было заложено 42,8% имений и 66,5% крестьян), государственных и удельных, поводов для этих выступлений и их целей. Следует отметить, что автор блистательно применил и статистический метод⁴¹ – отнюдь не для суммарных, а в высшей степени дифференцированных подсчетов как самих участников⁴² (и их возраста⁴³), так и выступлений, их динамики, в первую очередь повседневных форм, ранее остававшихся вне внимания ученых.

Правда, утверждение относительно побегов, «как одной из наиболее радикальных форм борьбы крепостного крестьянства» вызвало недоумение С.С. Дмитриева. 13–14 апреля 1991 г. он писал автору монографии: «Нужно бы объяснить, как это отказ от борьбы, уход из борьбы одной из борющихся сторон трактуется в виде радикальной формы борьбы? Можно ведь и «*непротивление злу насильем*» объявить радикальной

формой борьбы, хотя скорее тут просматривается отказ от прямой борьбы, выход из нее» (выделено С. Дмитриевым). Что ответил М.А. Рахматуллин своему студенческому наставнику, неизвестно. Думается, однако, что упрек С.С. Дмитриева не вполне правомерен. Побег крестьянина прекращал сам факт его крепостной зависимости, и потому может быть квалифицирован как радикальная форма борьбы с крепостничеством. Другой читатель, Ю. Кахк, в письме автору монографии от 31.03.1991 г. подчеркнул правильность наблюдения М.А. Рахматуллина об убийствах помещиков как «простом проявлении «конкретности» крестьянского движения, а не как наивысшей и радикальнейшей формы борьбы⁴⁴.

С течением времени, как показал М.А. Рахматуллин, у крестьян крепла уверенность в правоте своего дела. Один из «ходовков» наивно обосновывал свою веру в успех тем, что «не гонят по этапу, а везут на лошадях и платят прогоны» (с. 109). Очень интересны наблюдения М.А. Рахматуллина относительно роли общины, руководившейся как демократическими, так и консервативными («куда мир, туда и я, мне от мира прочь нельзя») традициями. Ритуал «посвящения» ходоков вплоть до середины XIX в. сохранял языческие обряды с использованием земли (с. 117), как в связи с другой темой убедительно показали этнографы.

М.А. Рахматуллин указал и на изменение форм подавления крестьянских выступлений. На фоне европейских революций 1848 г. в России сократилось применение военных команд против крестьян. И несмотря на требования дворянства (в том числе и легендарного героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова) прибегать к «строгим мерам», в конце 50-х годов начались поиски компромиссного решения крестьянского вопроса.

Во второй главе книги автор представил «честный анализ» (по определению Ю. Кахка) того, как правительственная политика, в том числе такие указы, как манифест от 16 апреля 1841 г. об освобождении от следствия по мелким уголовным делам (с. 135), породила слухи и толки относительно полного освобождения крестьян. Эти слухи и толки не имели конкретного результата, но способствовали объединению крестьян «общностью ожидания свободы» (с. 165–166). Стоит подчеркнуть, что до таких филигранных социолого-психологических выводов не возвышался ни один из маститых предшественников М.А. Рахматуллина. Думается, и нынешним социологам неплохо было бы поучиться столь изощренной методике определения общественного мнения. Тем более, что в стране, так и не пережившей этапа буржуазно-демократических революций, сопровождавшихся формированием представлений о человеческом достоинстве, сознание большей части горожан – детей и внуков дореволюционных крестьян – осталось на уровне, предшествовавшем тому времени, когда сложилась «общность ожидания свободы». Как и у крестьянин первой трети XIX в., у них порой преобладают частные интересы, вроде защиты своего леса (Химки) или детской площадки во дворе.

Глава III посвящена деятельности самодержавия. Здесь помимо общеизвестных фактов о создании жандармерии и Третьего отделения е.и.в. канцелярии Рахматуллин анализирует циркуляры 1832 г., имевшие целью «предупредить вредные последствия... неосторожности» (подч. мной. – А.Х.) помещиков, однако уже через два года власть вынуждена была принимать к разбирательству жалобы на помещиков, хотя из 200–300 таких случаев наказанию подвергались от 6,9% до 21,1% в 1840 г. Еще более болезненной для дворянства мерой было взятие имений в опеку. Все эти паллиативные меры проходили на фоне репрессий против крестьян за неповиновение помещикам и властям, поджоги т.д.

Глава IV подвела итог размышлениям и наблюдениям автора о соотношении идеологии и общественной психологии, в которую превращалась первая, опускаясь в массы. Рахматуллин констатировал тот факт, что крестьянское движение не соединилось с революционным дворянским и разночинным движением, хотя и питало их (с. 216). Здесь же он еще раз подтвердил свою прежнюю оценку Крестьянской войны 1773–1775 гг. под руководством Е. Пугачева: «Крестьяне объективно могли бороться и действительно боролись за иной вариант феодализма», который и сформулировал «самый радикальный указ повстанцев... от 31 июля 1774 г.», ставивший «выполнимую задачу – создание общего сословия государственных крестьян» (с. 222).

Первые читатели и рецензент книги, эстонский коллега по крестьянскому «цеху» Ю. Какк, отметили основные заслуги автора. С.С. Дмитриев был единственным, кто обратил внимание на использование, причем очень осторожное, пословиц и поговорок. В цитированном выше письме от 13–14 апреля 1991 г. Сергей Сергеевич писал: «Осторожно критическое отношение Ваше к пословицам и поговоркам в целом мне понятно и кажется основательным. И все-таки пословицы и поговорки суть важнейшие элементы любого языка. А язык в его историч[еском] развитии был и будет всегда для историков одним из важнейших сводов данных о прошлом (этнонимы, топонимы, поговорки и др.). Вы правы здесь только в том, что широкое обращение к пословицам и поговоркам, как правило весьма рискованно в исследованиях конкретно исторических с определенной, как правило, хронологически относительно узкой тематикой. Но в социо-культурных штудиях обычно с широкими хронологическими вехами пословицы и поговорки при научно-критическом подходе к ним необходимы и являются во многих случаях источниками весьма насущно важными и ценными» (подчеркнуто С. Дмитриевым).

Несмотря на полуупрек Ю. Какка об отсутствии общетеоретического вывода о том, что «крестьянское движение подчиняется законам случайности (статистика) – все острые столкновения случайные события. Чем больше обыкновенной (и нелегальной) борьбы, тем более высокая вероятность (и число) открытых столкновений – и, следовательно, реальной угрозы системе».

В целом исследование М.А. Рахматуллина подняло на более высокую ступень изучение крестьянских движений, но, увы, в тот период, когда «новорусская» историография потеряла интерес ко всяким выступлениям против Богом данного Святой Руси царя – вне зависимости от того, к какой династии он принадлежал или просто какую фамилию носил.

А в 1992 г. М.А. Рахматуллин упрямо продолжил исследование крестьянского вопроса, на этот раз статьей о проекте 1842 г. образцового помещичьего имения. Свои предшествующие наблюдения о политике самодержавия по крестьянскому вопросу он сформулировал так: «Одной из направляющих сил процесса гражданского раскрепощения было... само самодержавие» (№ 65. С. 164). К исходу первой четверти XIX в. стали явственными признаки надвигающегося кризиса, и наиболее дальнозоркими они были замечены. Так, А.Х. Бенкендорф в отчете 1827 г. писал: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством». Предпринимались и попытки спасения существовавшей системы общественных отношений за счет некоторой их модернизации. Указ 1842 г. об «обязанных крестьянах» предусматривал реорганизацию управления имениями и перевод крестьян на оброк, что сулило повышение доходности имений на $\frac{1}{5}$ – с 9,5 до 12 тыс. руб. Судьба этого указа, как и реформы П.Д. Киселева, основательно изученной Н.М. Дружининым, была плачевна.

И на третьем этапе деятельности Морган Абдуллоевич не прекратил писать рецензии, отзывы и юбилейные статьи. В рецензии на книгу Павленко – биографического очерка о А.Д. Меншикове, наделавшего в начале 80-х годов много шума (№ 44), но не лишено недостатков (в частности, из-за отсутствия характеристики источников), Рахматуллин увидел «возрождение жанра увлекательного исторического повествования о деяниях и поступках знаменитых людей», который «воспитывает вкус⁴⁵, воссоздает живую ткань истории» (№ 45. С. 128)⁴⁶. В 1996 г. он посвятил Н.И. Павленко специальную статью по случаю его 80-летия (№ 72), подчеркивая такие его черты, как самостоятельность, а в творчестве – объективность (№ 72. С. 108, 117)⁴⁷, свойственные и самому Моргану Абдуллоевичу. Привлекали его и стиль и метод Н.И. Павленко, предлагавшего читателю «живой рассказ» о прошлом, не исследование, но и не беллетристику (№ 72. С. 114). Думается, и сам рецензент и поклонник Н.И. Павленко подпал под обаяние вновь возрожденного жанра и дал такие его образцы, которые можно назвать классическими. О них уже упоминалось выше.

Второй минибиографией историка была статья М.А. Рахматуллина к 80-летию Б.Г. Литвака. В ней Морган Абдуллоевич слишком кратко охарактеризовал «доисторический» период жизни Литвака, лишь мельком указав, что тот в 1941 г. вышел из киевского окружения, одного из самых страшных «котлов», в который попали советские войска в самом начале войны, подробности организации которого «вождем и учителем народов» стали известны лишь недавно⁴⁸. Зато автор подробно охарак-

теризовал основные монографии юбиляра⁴⁹, волею судеб встретившего свое 80-летие на далекой чужбине (№ 78). С явным «сочувствием» – если это слово здесь подходит – М.А. Рахматуллин изложил представления автора о принципах независимого источниковедения, методы изучения материалов которого «равнодушны» к классовой позиции исследователя⁵⁰.

Условия работы в журнале в 90-е годы изменились. Историки-профессионалы стали живее реагировать на полулюбительские сочинения новых аматоров Клио. Своеобразным откликом на книгу В. Суворова «Ледокол» была статья М.И. Мельтюкова (ОИ. 1994. № 2), пытавшегося разобраться в нагромождении достоверных фактов, гипотез и домыслов. Непривычные к новому жанру и новым идеям читатели забросали редакцию письмами. В ответ на них был опубликован протокол заседания редколлегии. М.А. Рахматуллин поддержал идею В. Суворова об агрессивном характере внешней политики СССР («внутренняя суть империи должна соответствовать ее внешней политике, которая все эти годы оставалась в стратегическом плане, бесспорно, наступательной (идея мировой революции)»). Одновременно он выступил против «политизированных» высказываний В. Суворова. Опираясь на собственный опыт и опыт своих сверстников, Морган Абдуллович, как и поддерживавший его К.Ф. Шаццлло, решительно заявил: «Нельзя, например, оставить без опровержения один из основных тезисов Суворова, в соответствии с которым, эта война не является Отечественной» (№ 70. С. 280).

Поразительна эволюция этого вполне сложившегося человека и исследователя. В зрелом возрасте М.А. Рахматуллин обнаружил способность творчески расти и развиваться, оперативнее и точнее отвечать на запросы времени. Доказательством этого является публикуемый ныне сборник. Проблема «Власть и общество в период коренной ломки социально-экономического и политического строя» приобрела особую актуальность. И автор ответил на запрос времени блистательными статьями о Екатерине II, в которых он ясно показал те требования, которые предъявляет общество в подобные переломные периоды истории к власти. М.А. Рахматуллин отнюдь не изменил своим коренным демократическим установкам, но с их позиций оценивал теперь уже не действия крестьянства, а самой власти.

Сборник «Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков» 1998 г. (№ 75) отличается от серии различных сочинений, лавиной хлынувших в 90-е годы. Это не монография типа той, что создал А.Б. Каменский⁵¹, и не собрание свидетельств современников вроде сборника А.И. Юхта «Екатерина II и ее окружение»⁵². М.А. Рахматуллин удачно соединил сочинение самой императрицы – «Нравственные идеалы», ее письма Ст. Понятовскому, воспоминания отечественных (Г.Р. Державин, А.С. Грибоедов) и иностранных деятелей, отдав предпочтение последним (гр. К.К. Рюльер, Дж. Бэкингхемшир, гр. Л.Ф. Сегюр, Ш. Жорж де Лилль)⁵³ с наблюдениями исследовате-

лей – М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского. Сборник разделен на три части – две первые («Царствовать или умереть – вот наш клик», «И я жил под скипетром Екатерины II») – выделены по хронологическому принципу, последняя – «Да посрамит небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства» посвящена общим представлениям эпохи Просвещения и самой Екатерины II об обязанностях государя (на первое место императрица ставила – «просвещать нацию», на второе уважать законы»). Из этого сборника «выросла» идея глубокой и крайне актуальной статьи 2005 г. «Интеллект власти» (№ 89).

Обобщение предшествующих штудий было включено в учебник для вузов под редакцией А.Н. Сахарова (при жизни автора два издания в 2003 г. в двух томах и в одном томе в 2006 г., № 84, 85, 94). Учебник написан очень живо и образно, хотя и не лишен, на наш взгляд, некоторых обязательных для подобного жанра компонентов, прежде всего списка источников и литературы к каждой главе и карт. М.А. Рахматуллину принадлежит раздел VI «Россия при преемниках Петра I. Царствование Екатерины II и Павла I». Продолжая давний с 1999 г. спор с А.Б. Каменским относительно преемственности петровской внутренней политики русских государей в реформировании России, М.А. Рахматуллин четко разделил некоторые ситуативные преобразования от реформ, честь которых, по его мнению, принадлежит Екатерине II. «Политика» ее предшественников и предшественниц – Петра II (не столько царь, сколько охотник), младенца Ивана Антоновича, Екатерины I, «курляндской вдовушки» Анны Иоанновны, вообще не думавших об общем благе государства, удовлетворяла лишь никчемные желания «императоров» и императриц. Елизавета Петровна, «руководимая» братьями Шуваловыми, принялась за реставрацию петровских традиций. Преобразования же Екатерины Великой упрочили абсолютистское государство, а время ее правления стало золотым веком дворянства, наивысшим торжеством крепостничества, доказавшего свою прочность во время восстания Е.И. Пугачева. Раздел VI учебника включал и тексты по истории внешней политики и культуры, образования. Он отличается более взвешенным подходом к разделам Польши, более объективной оценкой «партийно политизированной» позиции М.В. Ломоносова по варяжскому вопросу.

Рецензии М.А. Рахматуллина 90-х годов XX и начала XXI столетий посвящены либо новым темам (книга П.Н. Зырянова о монастырях и монашестве XIX – начала XX в. № 79), либо реформаторам и их противникам (В.А. Федоров о Сперанском и Аракчееве, № 77), либо ставшему снова актуальным вопросу о технологии власти (№ 89), т.е. коренным для переломного от социализма к капитализму проблемам. Среди рецензируемых работ были такие актуальные в начале 90-х годов исследования, как проблема «революции сверху», которой была посвящена книга Б.Г. Литвака (№ 64), и публикации, которые вводили в научный оборот материалы академического дела 1929–1930 гг. (№ 70),

или обобщающие работы, которые предлагали желательную и утешительно демократическую, но неточную фактически концепцию русской истории («Выбирая свою историю», № 93). Некоторые из вышеперечисленных работ настолько информативны, что выходят далеко за рамки рецензий и, скорее, могут рассматриваться как исследовательские миниатюры. Это, в частности, касается отклика на книгу П.Н. Зырянова. Еще в 1982 г. Рахматуллин обнаружил четкое понимание роли религии в политической и общественной жизни в эпоху самодержавия (№ 44. С. 128). Знакомство с книгой о монастырях и монашестве в XIX и начале XX в. позволило ему четко сформулировать свой взгляд на Православную церковь. Она «была полностью интегрирована в общую бюрократическую систему абсолютной монархии, являлась мощной идеологической опорой самодержавия» (№ 79. С. 199). Этот тезис автор иллюстрирует манифестом 19 февраля 1861 г., по просьбе Александра II написанным московским митрополитом Филаретом (Дроздовым). Манифест включал цитату из послания апостола Павла римлянам («Всякая душа должна повиноваться властям предержащим» и «воздавать всем <...> должное – урок, страх, дань, честь») ⁵⁴. Честно отмечая усилия П.Н. Зырянова представить просветительскую роль монастырей, М.А. Рахматуллин подчеркивал, что главным стимулом их деятельности была страсть к накопительству, а культурный и нравственный уровень духовенства оставлял желать лучшего. Великий князь Александр Николаевич в 1837 г. писал отцу из Саратова: «Здесь духовенство наше, к несчастью, не славится своей нравственностью. В здешнем крае... каждый простой раскольник умнее нашего священника». Рецензент приводит убийственные статистические данные: в 1914 г. численность монашества, послушников и слуг в 1025 монастырях составляла 94 629 человек, в численность студентов – правда, 20 годами ранее, в 1896 г. – лишь 25 166 человек (№ 79. С. 201).

Глубокой исследовательской статьей следует признать обзор сборников «14 декабря 1825 г.» (Т. 1–3, 1997, 2000, 2000), благодаря которому, как и предшествующим работам декабристской проблематики, в среде коллег-декабристоведов Морган Абдуллович завоевал авторитет «честного и оригинального ученого» (К.Г. Межова). При всей краткости отзыва о главах по истории декабристов в сборнике «Выбирая свою историю», вышедшем уже после кончины Морган Абдулловича, он лишь подтверждает данную выше характеристику автора. Разбирая ситуации, которые рассматриваются как «развилки истории» – «объединительные совещания» 1824 г. и восстание Черниговского полка, к которому должен был присоединиться 3-й корпус и другие армейские части, чтобы взять Киев, провозгласить конституцию, произвести освобождение крестьян с землей и другие реформы, воспроизводящее в основных чертах соответствующую главу книги Н.Я. Эйдельмана ⁵⁵, рецензент убедительно показывает, что ни в 1824, ни в 1826 годах нельзя всерьез говорить о «развилке», т.е. о возможности альтернативного развития событий. Против самой подобной постановки вопроса рецен-

зент не выступает, напротив, он подчеркивает, что «люди в нем (историческом процессе. – А.Х.) участвуют не только как исполнители (актеры), но и как создатели (сценаристы), а это, в свою очередь выбивает почву из-под ног у тех, кто по привычке повторяет, что «история не имеет сослагательного наклонения» (№ 90. С. 199). Он упрекает авторов в невключении в число «развилок» события, «действительно претендующего быть таковым» – а именно восстания 14 декабря 1825 г., и в обоснование своей точки зрения приводит не только мнения отечественных историков – Н.Я. Эйдельмана и Я.А. Гордина, но и ученых русского зарубежья. Отказываясь моделировать возможный ход событий 1826 г., автор завершает рецензию примечательными словами: «...право на существование имеют не только пессимистические, но и оптимистические прогнозы, хотя шансы на верификации первых, видимо, все-таки предпочтительнее. Впрочем, Россия была и остается столь мощным этносоциальным организмом, что в конечном счете она выдержала бы все, в том числе и декабристский эксперимент, который мог бы оказаться и более успешным, чем эксперимент, начатый в октябре 1917 г.» (Там же, подчеркнуто мной. – А.Х.).

М.А. Рахматуллин избежал влияния модных течений – монархизма⁵⁶, национализма и прочих, оставшись на позициях добротного «крестьянского» здравомыслия, и был одним из немногих, кто, снова говоря словами Г.П. Федотова, «спас достоинство» исторической науки не только в лихолетье советизма, но и в период так называемой «суверенной демократии», под покровом которой успешно возрождалась и возрождается взрывоопасная смесь большевизма, имперских традиций, культа личности, ксенофобии, шовинизма и сталинизма.

И последнее сравнение... Хотя судьбы белоруса Н.Н. Улащика и татарина М.А. Рахматуллина сложились по-разному, фундамент этих судеб был один – непоколебимая порядочность и чувство высочайшей ответственности перед обществом. И оба расплачивались за это, хотя и по-разному: первый – тремя отсидками в ГУЛАГе, другой – ветеран Великой Отечественной войны, удостоенный многочисленных наград, в том числе и за воинский и трудовой подвиг, и за вклад в развитие академического книгоиздания – неожиданной потерей работы в ИРИ РАН в 2004 г. Ей предшествовало принципиальное выступление в качестве члена третейской комиссии Диссертационного совета ИРИ РАН по одной из работ, защищенной в РГГУ в 1998 г. и поступившей на дополнительное рассмотрение из Высшей аттестационной комиссии в связи с отрицательными отзывами преподавателей МГУ Л.Г. Захаровой и Л.В. Милова. На заседании указанной комиссии в июне 1999 г. с мнением критиков согласился не только Н.И. Павленко, но и М.А. Рахматуллин. Последний подготовил проект официального заключения от имени комиссии (т.е. собственного, А.Н. Медушевского и Ю.А. Тихонова). Двое последних при обсуждении работы под влиянием выступлений Е.В. Анисимова, Н.Ф. Демидовой, А.Г. Тартаковского изменили свою точку зрения, и положительный отзыв от их име-

ни решил судьбу вопроса. «Спорная» работа вскоре была утверждена ВАК'ом.

Менее удачно сложилась судьба одного из критиков. 8 октября 2001 г., спустя полгода после реорганизации сектора истории СССР периода средневековья и раннего нового времени, вернувшего прежнее – до 1994 г. – наименование сектора феодализма (часть сотрудников перешла в Институт всеобщей истории, двое – в Институт славяноведения, часть вышла на пенсию), М.А. Рахматуллин был переведен на должность консультанта, что усугубило трудности его жизни (в это время его супруга уже была лежачей больной). Несмотря на двукратное издание учебника по истории СССР в 2003 г. (№ 83, 84), где Морган Абдуллович представил свое видение развития России в XVIII в. отнюдь не «прямолинейного» по его мнению, он был сокращен из штата института, что грозило потерей службы и в редакции. Лишь вмешательство московских и питерских друзей и коллег, обратившихся в Отделение историко-филологических наук, привело к его зачислению в штат издательства «Наука». Психологическое состояние Моргана было тяжелейшим⁵⁷. Он чувствовал себя вытолкнутым на обочину жизни.

В связи с этим хотелось бы еще раз обратиться к высказыванию автора публикуемых работ. В 2002 г. он упрекал историков «в невнимании к тем, кто не пытался – подобно лидерам декабристского движения – творить историю, а просто по воле случая оказался под ее безжалостным колесом» (№ 78. С. 112). Его судьба последних лет и трагическая гибель напоминает судьбы многих полубезвестных героев изысканий историка...

* * *

Завершая портрет этого ученого и человека, следует повторить главное. Его вклад в развитие отечественной историографии весом, хотя и менее известен, чем работы его коллег-аграрников. Прежде всего в силу фантастической скромности автора, его стремления всячески принижать свои заслуги и себя самого⁵⁸, фактически не вступая в корпоративное сообщество историков, сохраняя внутреннюю свободу и не идя на компромиссы, которых требует членство в корпорации, и обрекая тем самым себя на полное одиночество в среде разного рода «выпрямителей» истории. Рахматуллин вносил в историю тот дух добропорядочности и честности (от забытого слова – честь), который старательно истребляли в науке, и не только в ней, ВКП(б)/КПСС и Советская власть. Он создавал тот «воздух», без которого никакие науки – и уж тем более история, подверженная, как писал сам Морган Абдуллович, субъективному воздействию, развиваться не могут. Его трагическая гибель – огромная потеря для друзей и читателей, части исторического сообщества и тех соотечественников, которые по-прежнему мужественно ищут в наших трудах порой горькую, но правду, а не сладко-лицемерную ложь.

Примечания

- ¹ Среди них был и академик РАН Б.В. Ананьич. Он писал в 2006 г.: «Я имел счастье часто общаться с М.А. Рахматуллиным, когда входил в состав редколлегии журнала. Благодарен ему за это. Мы иногда расходились с ним в мнениях, но с ним интересно было даже спорить. Он был открытым и прямым человеком, у него был гигантский опыт редакционной работы <...> и у него было чему поучиться» (Отечественная история. 2007. № 1. С. 219).
- ² Прусс И. Слово формирует взгляд // Знание – сила. 2008. № 12. С. 19–21.
- ³ К сожалению, личный семейный архив М.А. Рахматуллина крайне скромнен. Он содержит несколько газетных вырезок со статьями-воспоминаниями о его матери, дневник отца о его лекциях в Казанском крае 1928 г. в составе бригады красных агитаторов, немногочисленные фотографии его брата, погибшего во время Великой Отечественной войны, памяти которого М.А. Рахматуллин посвятил свою первую книгу. Биографические сведения о М.А. Рахматуллине почерпнуты из личного дела, хранящегося в архиве ИРИ РАН и доведенного практически лишь до 1986 г. Знакомством с ксерокопией его автор обязан любезности проф. И.Г. Добродомова и директора Центра военно-патриотического и гражданского воспитания (г. Москва), председателя татарской общины г. Москвы генерал-полковника Р.С. Акчурин, которым и приносит свою искреннюю благодарность.
- ⁴ «...Наш лозунг «Ликвидировать неграмотность» отнюдь не следует понимать как стремление к народжению новой интеллигенции. Ликвидировать неграмотность, – признался В.И. Ленин художнику Ю.П. Анненкову в 1921 г., – следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания» (Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий / Под общ. ред. проф. Ренэ Герра. М., 2005. С. 609).
- ⁵ Дневник, подготовленный к печати его сыном, сохранился в личном архиве М.А. Рахматуллина и впервые публикуется в Приложении в русском переводе И. Мустакимова, надеявшегося издать татарский текст в Казани в журнале «Эхо веков» (№ 1–2 за 2003 г.). О судьбе этого начинания составителям, несмотря на помощь татарских коллег, узнать не удалось.
- ⁶ Традицию поддержал и Мелеузский районный музей, в экспозиции которого были представлены фотографии этих замечательных соотечественников и учащихся в кружках по ликвидации неграмотности и изучению нового латинского алфавита 20-х годов (Путь Октября. Мелеуз, 15.02.1975; 20.04.1980).
- ⁷ Путь Октября. Мелеуз, 16.02.1989. См. также: Галин Г. Мать воина и ученого // Путь Октября. Мелеуз, 08.03.1980.
- ⁸ Ныне его письма хранятся в Мелеузском музее (Путь Октября. Мелеуз, 09.05.1985. Г. Рафиков).
- ⁹ В 1965, 1975 и 1985 гг. он был награжден еще тремя – «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- ¹⁰ В его жизни не было того, что называется «гламуром». Морган Абдуллович с увлечением ездил на сравнительно редких во второй половине XX в. легковушках, и профессионально и методично вел дачное хозяйство, выращивая, и весьма удачно, (к моей, увы, зависти), разные овощи (особенно удавались ранние огурцы и чеснок, которым он снабжал Н.И. Павленко, а тот и меня) и фрукты.

- 11 С.С. Дмитриев в апреле 1991 г. благодарил своего бывшего студента не только «за добрые чувства, так полно и проникновенно воплощенные в дарственной надписи на книге», но и «за положительное суждение в защиту В.И. Семевского» (письмо от 13–14.04. 1991. Личный архив М.А. Рахматуллина, хранящийся у его сына).
- 12 *Тарновский К.Н.* Путь ученого // ИЗ. Т. 80. М., 1965. С. 207–244, особ. 228.
- 13 Там же. С. 229.
- 14 Судя по письму С.С. Дмитриева от 13–14 апреля 1991 г. («Возможно ранний интерес к теме... восходит еще к студенческим годам автора: тот, кто рано соприкоснулся с Чернышевским, естественно с годами должен был обратиться к российскому крестьянству «эпохи Чернышевского»), Морган делал под его руководством доклад или курсовую именно о Чернышевском. Письмо хранится в личном архиве М.А. Рахматуллина.
- 15 М.А. Рахматуллин использовал подобные методы редко и осторожно, в особенности на третьем этапе своего творчества.
- 16 Характеристика на студента V курса Исторического факультета МГУ Рахматуллина М.А [за подписью декана И.А. Федосова и председателя профкома А.Т. Широкова] от 29.IV. 1958 г. // Архив ИРИ РАН. Личное дело М.А. Рахматуллина.
- 17 Здесь и далее указываются номера в списке печатных работ М.А. Рахматуллина, приведенном в Приложении.
- 18 Точку в закавказской проблематике поставил обзор работы бакинского межреспубликанского симпозиума «Генезис капитализма в Закавказье» в марте 1969 г. (№ 11), а также оппонирование в 1975 г. кандидатской диссертации С.А. Исаева «Аграрное движение в Чечне в 60–70-х годах XIX в.»
- 19 Уже в 1972 г. М.А. Рахматуллин выступил в качестве соавтора своего бывшего руководителя (№ 17).
- 20 *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.
- 21 Это было знаменем времени в отличие от студенческого фестиваля 1957 г., от которого правильную советскую молодежь всячески охраняли.
- 22 Хлеб с низовьев Волги доставлялся в центр лишь за два года с остановкой в Рыбинске, где и формировались цены на него. Именно с этим был связан расцвет города в конце XVIII – начале XIX в.
- 23 История российского транспорта занимала М.А. Рахматуллина и позднее. Так, в 1973 г. для V Международной недели по экономической истории в г. Прато (Италия) им был предназначен доклад «Состояние транспорта и пути сообщения в России в XVIII в.»
- 24 Лишь за 1972–1977 гг. было, говоря словами А.Л. Нарочницкого, «организовано (!), подготовлено и опубликовано более 60 статей и сообщений общим объемом 103,2 а.л., т.е. более 20 а.л. в год», не считая редактирования трех крупных монографий – В.К. Яцунского, И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, Н.А. Горской (№ 24, 26 и 32). В дальнейшем объем работы нарастал: в 1977–1979 гг. в журнале им было подготовлено 70 а.л., т.е. по 23 а.л. в год.
- 25 Значение этого события и последовавших за отменой крепостного права «Великих реформ» принято принижать до сих пор. Ни в советское, ни в постсоветское время 19 февраля не стало красным днем календаря, о нем не принято даже вспоминать, хотя не мешало бы повторять, что с момента отмены крепостничества не прошло и полутора сотен лет, и наши пра-пра-прадеды и даже просто пра-прадеды еще жили в условиях крепостной зависимости. Хотелось бы надеяться, что к 2011 г. изменится оценка этого собы-

тия, как более судьбоносного, хотя и менее разрушительного, нежели переворот 1917/18 г. (Ср.: *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. См. также рецензию на эту книгу М.А. Рахматуллина: № 64).

²⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 397–398.

²⁷ Там же. Т. 20. С. 174

²⁸ Там же. Т. 17. С. 211.

²⁹ В этом докладе автор отмечал отсутствие убежденности и сознательности, неспособность крестьянства создать идею своего единства как класса, а не как массы (№ 16. С. 272), и ссылаясь на мысль В.И. Ленина о «роли революции 1905 г., которая создала из толпы мужиков... народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141).

³⁰ Об этом очень ярко написал и К. Маркс в приводимой М.А. Рахматуллиным на с. 436 цитате: «Крестьяне «не могут представлять себя сами... Их представитель... должен являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью... ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 208). Как тут не вспомнить частушку советских времен: «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это».

³¹ Там же. Т. 7. С. 3 71.

³² Культура библиографии, как и статистики была утрачена в 30-е годы и практически не восстановлена донныне. Библиография была опасна для бонз от науки, занимавших важные административные должности, ибо свидетельствовала о их творческом бесплодии. Статистика – свидетельство упадка экономики и культуры – была опасна для правящей партии.

³³ Post faktum можно сожалеть, что автор публикации не заинтересовался студентом и его потомками, ведь генеалогия об ту пору еще именовалась «буржуазной наукой».

³⁴ И.Д. Ковальченко провозгласил возвращение к прагматическому подходу к изучению прошлого. «Изучение истории, – писал он в 1987 г., – упорный, кропотливый труд, связанный с розыском и осмыслением источников, поиском фактов – этого «воздуха истории»» (Встречи с историей. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 3 (подчеркнуто мной. – А.Х.). В 2000 г. его поддержал и М.А. Рахматуллин. Он писал: «Лучшее оружие против любых искажений истории – факты, а разного рода эпитеты и эмоциональные оценки едва ли способны принести пользу делу» (№ 78. С. 108). Поворот значительной части ученых к прагматизму, который, впрочем, всегда был свойственен Моргану Абдулловичу, оказался слегка запоздалым. На неверии советским историкам с их угодничеством и быстрой разворотливостью в связи с указаниями свыше в конце XX в. вырос такой ядовитый феномен, как Фоменко, окончательно отравивший сознание части сограждан и лишивший их стимулов политической дееспособности и даже политического разума.

³⁵ Спустя полгода после докторской защиты он получил обширнейший инфаркт и, в соответствии с характером, лежа в больнице, отказывался от всякой помощи коллег по сектору, стараясь никого не обременять.

³⁶ Первой книгой подобного жанра, подготовленной Морганом Абдулловичем, была «Наука побеждать» 1984 г. (№ 47). Публикация включала роман О. Михайлова «Суворов», документы, в том числе «Науку побеждать» (ей была посвящена более ранняя научно-популярная работа – № 39), лич-

ную переписку полководца, отзывы современников о нем и два русско-турецких договора – Ясский 29 декабря 1772 г. и Кючук-Кайнарджийский 13 января 1775 г. Все это было снабжено предисловием, комментариями, а роман – послесловием. По условиям времени, как и в 1980 г. (№ 39), составитель вынужден был уклониться от оценки польских «подвигов» Суворова, о которых в биографической справке говорилось весьма скупно: «Одержаны победы над польскими конфедератами под Двинском, при Кобрине, при Крупчице, под Брестом, под Кобылкой 7 августа – 3–5 сентября 1794 г. Взято штурмом укрепленное предместье Варшавы – Прага 24 октября 1794 г.» (№ 47. С. 586). Неполон и комментарий – в частности, отсутствует объяснение термина «Республика» в ранней редакции «Науки побеждать», буквального перевода польского словосочетания «*Recz Pospolita*». М.А. Рахматуллин, как и в 1980 г., сосредоточился на характеристике личности и полководческого искусства Суворова. И в частных разговорах честно признавался, что невозможность дать полноценную картину деятельности Суворова его очень тяготит...

³⁷ В ней, помимо всего прочего, нашла выражение постоянно жившая в нем идея «малой родины».

³⁸ Уже в 1985 г. на чтениях памяти Л.В. Черепнина он вышел за прежние хронологические рамки (№ 52, 54). По крупницам собрав сведения о несостоявшемся, но «законном» царе-избавителе Константине Павловиче, который в народном сознании считался сторонником освобождения крестьянства от крепостной зависимости, он показал, что хотя старшего брата Николая I иногда путали с его сыном – великим князем Константином Николаевичем, образ «царя Константина» не менялся до конца 50-х годов. Новым толчком для распространения слухов о желании цесаревича освободить крестьянство послужили революционные события в Центральной и Западной Европе. Во время Крымской войны, солдаты, услышавшие, будто Константин Павлович на стороне неприятелей России, выражали готовность сложить оружие перед законным государем. Основой слуха послужил реальный факт вспомоществования на транспортные расходы крестьянам гр. Воронцова, переселяемым по условиям военного времени из-под Евпатории в д. Новая Воронцовка Херсонской губ. К концу войны слухи приобрели «революционный» оттенок – с разгоном Сената «до того времени, пока не будет подписана бумага о свободе помещичьих крестьян» (№ 54 С. 303–305), на чем, по слухам, настаивал Константин Павлович, а в действительности – Константин Николаевич (ср.: *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 22–24).

³⁹ Она на 1 год отстала от обобщающей монографии Б.Г. Литвака «Крестьянское движение в России в 1775–1904 годах» (М., 1989). Однако подход автора к проблеме был совершенно иной – из глубины этого движения, из глубин крестьянского самосознания.

⁴⁰ Упрек С.С. Дмитриева к заголовку книги «Крестьянское движение» (единств. число), вместо «крестьянских движений» (как принято в работах Б.Г. Литвака и в тексте самой монографии Рахматуллина), что якобы создает «представление о единстве, о целостности движения помещичьих крестьян в великорус[ских] губ[ерниях] в 1826–57 гг.», на наш взгляд, носит чисто формальный характер. Речь идет о феномене социальных выступлений крестьянства, для характеристики которого годится и единственное число.

⁴¹ 31.03.1991 г. Ю. Какх писал, что на с. 60 «Вы мужественно приводите цифру 0,3% крестьян», которые «участвовали в открытых выступлениях».

- 42 М.А. Рахматуллин уловил начавшийся процесс расслоения крестьянства, факт которого отрицали его предшественники – П.Г. Рындзюнский, И.Д. Ковальченко, В.А. Федоров (С. 95–96).
- 43 Возрастной состав лидеров – «ходовков» менялся в сторону увеличения роли молодежи (С. 99–100).
- 44 Письмо Ю. Кахка 31.03. 1991 г. предшествовало написанию его рецензии. Хранится в личном архиве М.А. Рахматуллина.
- 45 К сожалению, это оказалось иллюзией. Конец XX – начало XXI в. наглядно показали полное отсутствие оногo у преобладающей массы читательской «публики».
- 46 Можно думать, что эта книга повлияла на изменение тематики советских историков предперестроечных лет, в том числе и самого рецензента.
- 47 Примером последней он приводил отношения помещиков и крестьян, которые не укладывались в прокрустово ложе советской концепции классового антагонизма
- 48 Новая газета. 2009. Январь–февраль.
- 49 *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861. Черноземный центр 1861–1895. М., 1972.
- 50 *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX–XX вв. М., 1979.
- 51 *Каменский А.Б.* Под сенью Екатерины. СПб., 1992; *Он же.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- 52 Екатерина II и ее окружение / Сост. А.И. Юхт. М., 1996.
- 53 Их характеристика дана в авторском вступлении, которое содержит также обзор правления императрицы.
- 54 *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 236.
- 55 *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975. Глава «Фантастический 1826-й». Авторы, правда, опускают его датировку событий и не пишут о «примечательном, захватывающем дух», по определению рецензента, сюжете – беседах императора, нащупывавшего «пути для компромисса» с Пестелем. Рецензент продолжает: «Тот, кто имеет хоть малейшее представление о личности Николая Павловича и его взглядах на самодержавие, лишь беспомощно разведет руками, не будучи в состоянии нарисовать картину совместного с Пестелем поиска самодержцем компромисса» (№ 80. С. 201).
- 56 Как тут не привести высказывание Ю. Кахка от 31.03. 1991 г.: «Наивный монархизм – это действительно активная сила. Еще более надежно Ваше указание на то, что умно-рассудительные крестьяне не надеялись добиться своих целей только своими силами, без союза с царем».
- 57 Если Н.И. Павленко вспоминает улыбку Моргана Абдуллоевича, то в моих ушах звучит его «мертвый» голос: «Почему Вы так давно не звонили?». Упрек прозвучал недели за две до его кончины...
- 58 Этот психологический тип, довольно распространенный в XIX – начале XX в., практически исчез из нашего общества, где и в советское время торжествовал нынешний принцип «Реклама – двигатель торговли». Поскольку Рахматуллин не торговал ни совестью, ни разумом, ему этот принцип остался совершенно чужд.

А.А. Хорошкевич

Часть первая

Императрица
Екатерина Вторая

Глава I

Непоколебимая Екатерина

Так определил «отличительное качество» души императрицы австрийский фельдмаршал, принц Шарль Жорж де Линь, долгое время находившийся в ее окружении и в своих многотомных сочинениях оставивший яркую зарисовку «Портрет Екатерины II». Слово «непоколебимая» забавляло ее, пишет де Линь, «она произносила его с расстановкою, целую четверть часа, и чтоб удлинить его еще, говорила: “Итак, я отличаюсь непоколебимостью”»¹. В предлагаемом вниманию читателя очерке автор попытается показать, насколько верно это определение, а также раскрыть наиболее существенные черты характера императрицы. Будет затронут и ряд неоднозначно решаемых в историографии вопросов времени правления Екатерины Второй, двухсотлетие со дня смерти которой исполнилось 6 ноября 1996 г.

Так называемый «золотой век» Екатерины II – один из интереснейших этапов российской истории – в последнее время оказался в фокусе внимания не только ученых, но и широкой прессы. Объяснений тому немало, но главное видится в том, что личность Екатерины II, ее идеи и деяния неразрывно связаны с эпохой преобразований, когда Россия в очередной

раз становилась на путь европейского Просвещения. Если «век Петра был веком не света, а рассвета», много сделавшим «во внешнем, материальном отношении преимущественно», то в свершениях второй половины XVIII в., по определению С.М. Соловьева, «ясно видны признаки возмужалости народа, развития сознания, обращения от внешнего к внутреннему, обращения внимания на самих себя, на свое»². Суть происходивших перемен образно передал видный екатерининский вельможа И.И. Бецкой в словах, обращенных к императрице: «Петр Великий создал в России людей; Ваше Величество влагаете в них души»³. Другое отличие от петровских преобразований, особо отмечаемое рядом современников, было также не менее существенным: Екатерина II «кротко и спокойно закончила то, что Петр Великий принужден был учреждать насильственно»⁴. И в этом – одна из основ той стабильности общества, которая отличала царствование Екатерины II. Как писал Н.М. Карамзин, следствием очищения самодержавия от «примесов тиранства» были «спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума»⁵.

Между тем в течение семи последних десятилетий история России второй половины XVIII в., история царствования Екатерины II преподносилась предвзято, вольно или невольно искажался и образ императрицы. Со страниц сочинений незадачливых литераторов, да и ряда научных изысканий предстает эдакая тщеславная, недалекая немка «низкого происхождения», хитростью и коварством завладевшая российским престолом и более озабоченная удовлетворением своих чувственных потребностей. Впрочем, преобладающе негативные характеристики Екатерины II берут свое начало с давних времен. А.И. Рибопьер, касаясь литературы непосредственно послеекатерининской поры, писал, что «Екатерина, столь могущественная, столь любимая, столь восхваленная при жизни, была непростительно поругана по смерти. Дерзкие сочинения, ядовитые памфлеты распространяли на ее счет ложь и клевету»⁶. Даже Я.Л. Барсков, один из лучших знатоков Екатерининской эпохи, ничтоже сумняшеся заявил, что «ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков»⁷. Та же нота есть и в известной пушкинской характеристике – «Тартюф в юбке и короне». Думается, что подобные суждения имеют все же в одних случаях больше эмоциональную, чем фактическую основу, а в других – сильно политизированный умысел и, как правило, исходят от недругов императрицы за рубежами страны, недовольных жестко проводимым ею внешнеполитическим курсом России, последовательным отстаиванием национальных интересов.

Свое объяснение того, что Екатерина II, как и многие другие выдающиеся исторические личности, не избежала участи посмертного поругания, дал и Н.М. Карамзин: «Следствия кончины ее заградили уста строгим судиям сей великой монархини: ибо особенно в последние го-

ды ее жизни, действительно слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости, худое же – ее собственной виною»⁸.

* * *

Будущая российская императрица Екатерина II Алексеевна, урожденная София Фредерика Августа, принцесса ангальт-цербстская, появилась на свет 21 апреля (2 мая) 1729 г. в захолустном в ту пору Штеттине (Пруссия). Отец – ничем особенным не примечательный князь Христиан-Август, преданной службой прусскому королю добившийся неплохой карьеры: командир полка, комендант Штеттина, губернатор. В 42 года он женился на 16-летней голштейн-готторпской принцессе Иоганне-Елизавете. Для взбалмошной принцессы, питавшей неумное пристрастие к развлечениям и недалеким визитам к многочисленной и в отличие от нее богатой родне, семейные заботы не стали главными. Среди пятерых ее детей дочь-первенец Фикхен (так звали все домашние Софию Фредерику) отнюдь не была ее любимицей – ждали сына. «Мое рождение не особенно радостно приветствовалось», – напишет позднее в своих «Записках» Екатерина II. Властолюбивая и строгая родительница из желания «выбить гордыню» частенько награждала дочь пощечинами за невинные детские шалости и за совсем недетское упорство характера. Маленькая Фикхен находила утешение у добродушного отца, постоянно занятого на службе и почти не вмешивавшегося в воспитание детей, но тем не менее ставшего для них примером добросовестного служения на государственном поприще. «Я никогда не встречала более честного – как в смысле принципов, так и в отношении поступков, – человека», – скажет о нем Екатерина впоследствии.

Отсутствие достаточных материальных средств не позволяло родителям нанять дорогостоящих опытных учителей и гувернанток. И здесь впервые судьба щедро улыбнулась Софии Фредерике – после смены нескольких нерадивых гувернанток ее доброй наставницей стала французская эмигрантка Елизавета Кардель (по прозвищу Бабет), которая, как писала позднее Екатерина II, «почти все знала, ничему не учившись; она знала как свои пять пальцев все комедии и трагедии и была очень забавна». Бабет, по сердечному отзыву воспитанницы, являлась «образцом добродетели и благоразумия – она имела возвышенную от природы душу, развитой ум, превосходное сердце; она была терпелива, кротка, весела, справедлива, постоянна». Пожалуй, главной заслугой Кардель, обладавшей исключительно уравновешенным характером, стало то, что она приохотила упрямую и скрытную Фикхен к чтению, в котором капризная и своенравная принцесса стала находить истинное наслаждение. Постепенно она приобщилась к серьезным тру-

дам философского содержания. Неслучайно уже в 1744 г. один из просвещенных друзей семьи, шведский граф Гюлленборг в шутку назвал Фикхен «пятнадцатилетним философом». Начитанная девочка то и дело вступала в споры по вопросам веры с пастором, преподававшим ей Катехизис. Любопытно, что, по признанию самой Екатерины II, приобретению ею «ума и достоинств» много способствовало внушенное матерью убеждение, «будто я совсем дурнушка», удерживавшее принцессу от пустых светских развлечений.

Разумеется, в семье не раз заходила речь о будущем замужестве Софии, и есть, наверное, нечто мистическое в том, что впервые мысль о короне начала «бродить» в ее голове с 7-летнего возраста. Это случилось после того, как друг и наперсник ее отца, некий Больхаген настойчиво убеждал ее в необходимости воспитания в себе благоразумия и нравственных добродетелей, чтобы быть достойной носить корону. Эту мысль укрепило предсказание случайного монаха-физиономиста, который «увидел» на ее челе «по крайней мере три короны». Возможно, такому предвидению поспособствовали внешние данные юной принцессы. «Она была отлично сложена, – пишет одна из современниц, – с младенчества отличалась благородною осанкою и была выше своих лет. Выражение лица ее не было красиво, но очень приятно, причем открытый взгляд и любезная улыбка делали всю ее фигуру весьма привлекательною».

Но дальнейшая судьба Софии, как и многих других немецких принцесс, была определена не ее личными достоинствами, а династической ситуацией в России, где бездетная императрица Елизавета Петровна сразу же после своего воцарения стала искать достойного российского престола наследника. Выбор ее пал на единственного прямого продолжателя рода Петра Великого – его внука Карла Петера Ульриха. Он был сыном старшей дочери Петра I Анны и герцога голштейн-готторпского Карла Фридриха, в 11 лет оставшимся круглым сиротой. Воспитанием принца занимались педантичные немецкие учителя, руководимые патологически жестоким гофмаршалом графом Отто фон Брюммером. Хилого от рождения герцогского отпрыска нередко держали впроголодь, за любые провинности часами принуждали стоять коленками на горохе, часто и больно секли. «Я вас так велю сечь, – заходился в крике Брюммер, – что собаки кровь лизать будут». Мальчик находил отдушину в увлечении музыкой, пристрастившись к жалостливо звучащей скрипке. Другой его страстью была игра в оловянные солдатики. Постоянные унижения, которым его изо дня в день подвергали, дали свои результаты: принц «стал вспыльчив, фальшив, любил хвастать, приучился лгать». Вырос он трусливым, скрытным, без меры капризным и много о себе мнившим человеком. Обобщенный портрет Петера Ульриха нарисовал В.О. Ключевский: «Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил

на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком».

Такой вот «достойный» наследник российского трона в январе 1742 г. спешно (дабы его не перехватили шведы, королем которых он по своей родословной тоже мог стать) был доставлен в Петербург. В ноябре того же года принц против его воли был обращен в православие и назван Петром Федоровичем, что не помешало ему в душе остаться истовым лютеранином-немцем, не проявившим никакой охоты даже к сколько-нибудь сноскому овладению языком своей новой родины. К тому же с учебой и воспитанием наследнику не повезло и в Петербурге. У главного его наставника академика Якова Штелина начисто отсутствовали какие-либо педагогические таланты, и он, видя поразительную неспособность и безразличие ученика, предпочел угождать постоянным капризам недоросля, а не учить его должным образом уму-разуму.

Между тем 14-летнему Петру Федоровичу подыскивали уже и невесту. Выбор русским двором принцессы Софии определялся, как писал саксонский резидент Пецольд, тем, что она, будучи, хотя «из знатного, но столь малого рода», станет послушной супругой без каких-либо претензий на участие в большой политике. Свою роль сыграли при этом и элегические воспоминания Елизаветы Петровны о несостоявшемся браке со старшим братом матери Софии – Карлом Августом (незадолго до свадьбы он умер от оспы), и доставленные императрице портреты миловидной принцессы, которая уже тогда всем «нравилась с первого же взгляда» (так без ложной скромности писала о себе в своих «Записках» Екатерина II).

В конце 1743 г. принцесса София была приглашена (на русские деньги) в Петербург, куда она прибыла в сопровождении матери в феврале следующего года. Оттуда они направились в Москву, где в это время находился царский двор, и накануне дня рождения (9 февраля) Петра Федоровича прехорошенькая и приодетая (на те же деньги) невеста предстала перед императрицей и великим князем. Я. Штелин пишет об искреннем восторге Елизаветы Петровны при виде Софии, а зрелая красота, стать, величие русской царицы, в свою очередь, произвели неизгладимое впечатление на юную провинциальную принцессу. Как будто понравились друг другу и суженые. Во всяком случае, мать будущей невесты написала мужу, что «великий князь любит ее». Сама же Фикхен оценивала все более трезво: «Говоря по правде, русская корона больше мне нравилась, нежели его (жениха. – М.Р.) особа». И впрямь идилия, если она и была, длилась недолго: дальнейшее общение великого князя и принцессы показало полное несходство их характеров и интересов, да и внешне они разительно отличались друг от друга – долговязый, узкоплечий, болезненный жених еще более проигрывал рядом с необыкновенно привлекательной невестой. А после перенесенной великим князем оспы лицо его настолько обезобразили свежие шрамы, что София, увидев его, не сдержалась и откровенно ужаснулась. Но главное все же было в другом: потрясающей инфан-

тельности Петра Федоровича противостояла деятельная, целеустремленная, честолюбивая натура знающей себе цену принцессы Софии Фредерики. После принятия ею православия 28 июня 1744 г. она была наречена в честь матери императрицы Елизаветы Екатериной (Алексеевной). Императрица сделала новообращенной знатные подарки – бриллиантовую запонку и ожерелье ценой в 150 тысяч рублей. На другой день состоялось и официальное обручение, принесшее Екатерине титулы великой княгини и императорского высочества.

Оценивая позже ситуацию, возникшую весной 1744 г., когда обнаружилось легкомысленные попытки всегда склонной к интригам матери Софии княгини Иоганны-Елизаветы втайне от русского двора действовать в интересах прусского короля Фридриха II и когда прознавшая о том императрица Елизавета чуть было не отправила ее с дочерью обратно «к себе домой» (чему жених, как чутко уловила невеста, был бы и рад), Екатерина выразила свои чувства так: «Он был для меня почти безразличен, но не безразлична была для меня русская корона». Да и накануне свадьбы Екатерина спокойно, с холодным расчетом сознавала: «Сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей».

21 августа 1745 г. начались продолжавшиеся десять дней свадебные церемонии. Пышные балы, маскарады, фейерверки, море вина и горы угощений для простого народа на Адмиралтейской площади превзошли все ожидания. Однако семейная жизнь Екатерины началась с разочарований. Как пишет она сама, плотно поужинавший в тот вечер супруг, «улегшись подле меня, задремал и благополучно проспал до самого утра». И так продолжалось из ночи в ночь, из месяца в месяц, из года в год. Петр Федорович, как и до свадьбы, самозабвенно играл в куклы, дрессировал (вернее, истязал) свору своих собак, устраивал ежедневные смотры потешной роте из придворных кавалеров его же возраста, а по ночам с азартом обучал «ружейной экзерциции» жену, доводя ее до полного изнеможения. Тогда у него впервые обнаружилось и чрезмерное пристрастие к вину и табаку. В итоге Екатерина стала испытывать к номинальному мужу физическое отвращение, находя утешение лишь в чтении самых разнообразных по тематике серьезных книг, а также в верховой езде (бывало, что она проводила верхом на лошади до 13 часов в сутки).

По ее собственному признанию, сильное влияние на формирование ее личности оказали знаменитые «Анналы» Тацита, а новейшая (1746) работа французского просветителя Шарля Луи Монтескье «О духе законов» стала для нее настольной книгой. Она поглощена изучением сочинений французских энциклопедистов и уже тогда интеллектуально на голову переросла всех окружающих.

Между тем стареющая императрица Елизавета Петровна ждала наследника, и в его отсутствии винила Екатерину. В конце концов импе-

ратрица по подсказке доверенных лиц устроила врачебный осмотр супружеской четы, о результатах которого мы узнаем из сообщений иностранных дипломатов: «Великий князь был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым». Известие об этом ввергло Елизавету Петровну в шок. «Пораженная сею вестью, – пишет один из очевидцев, – как громовым ударом, Елизавета, казалась онемевшею, долго не могла вымолвить слова, наконец зарыдала». Однако слезы не помешали императрице дать согласие на немедленную операцию, а на случай ее неупеха она распорядилась подыскать подходящего «кавалера» на роль отца будущего ребенка. Им стал «красавец Серж» – 26-летний камергер Сергей Васильевич Салтыков. 20 сентября 1754 г. Екатерина родила наследника трона, нареченного Павлом Петровичем, хотя злые языки при дворе едва ли не вслух говорили, что ребенка надо было бы величать Сергеевичем. Сомневался в своем отцовстве и благополучно избавившийся к тому времени от недуга Петр Федорович: «Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я принять его на свой счет». Но время показало несомнительность подозрений – Павел унаследовал не только специфические черты внешности Петра Федоровича, но, что еще важнее, особенности его характера, в том числе и свойственные ему психическую неуравновешенность, раздражительность, склонность к непредсказуемым поступкам, неумную любовь к бессмысленной муштре солдат.

Сразу же после рождения наследник был отлучен от матери и отдан под присмотр нянек, а Сергей Салтыков отправлен от влюбленной в него Екатерины в Швецию с придуманной для этой цели дипломатической миссией. Что касается великокняжеской четы, то Елизавета Петровна после рождения наследника потеряла к ней прежний интерес. Со своим племянником из-за его несносных проделок* и дурашливых кривляний она не могла пробыть «и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения». Тетушка-императрица отныне в сердцах частенько называет его то дураком, то уродом, а то и «проклятым племянником». В этой ситуации Екатерина Алексеевна, обеспечившая трону наследника, могла спокойно размыслить о своей дальнейшей судьбе.

25 декабря 1761 г. императрицы Елизаветы Петровны после долгой болезни не стало. Объявивший эту давно ожидаемую весть сенатор Трубецкой тут же провозгласил вступление на трон императора Петра III. Как пишет С.М. Соловьев, «ответом были рыдания и стоны на весь дворец <...> Большинство встретило мрачно новое царствование: знали характер нового государя и не ждали от него ничего хорошего».

* Он, например, просверлил дыры в стене комнаты, где тетушка императрица принимала фаворита Алексея Разумовского, и не только сам наблюдал за тем, что там происходило, но приглашал заглянуть в глазок и «дружков» из своего окружения. Можно себе представить силу гнева Елизаветы Петровны.

Что касается Екатерины, то она, если и имела намерение, как сама пишет, «спасать государство от той гибели, опасность которой заставляли предвидеть все нравственные и физические качества этого государя», будучи в это время на пятом месяце беременности, практически не могла активно вмешиваться в ход событий. Возможно, для нее это было и к лучшему – за полгода своего правления Петр III сумел до такой степени настроить против себя столичное общество и дворянство в целом, что практически сам открыл супруге дорогу к власти. Причем отношение к нему не изменили ни вызвавшее всеобщее ликование упразднение ненавистной всем Тайной канцелярии с ее застенками, заполненными арестантами по одному лишь печально знаменитому выкрику «Слово и дело государево!», ни провозглашенный 18 февраля 1762 г. Манифест о вольности дворянства, освобождавший дворян от обязательной государственной службы и предоставлявший им свободу выбора места проживания, занятий, право выезда за рубеж.

Последний акт вызвал у дворянства такой приступ энтузиазма, что Сенат намеревался даже поставить царю-благодетелю памятник из чистого золота. Однако эйфория длилась недолго – все перевесили крайне непопулярные в обществе поступки императора, сильно задевавшие национальное достоинство русских людей. Так, повсеместное гневное осуждение вызывало как будто нарочито афишируемое Петром III обожание им прусского короля Фридриха II, вассалом которого он себя громогласно называл, за что и получил в народе прозвище «обезьяна Фридриха». Градус общественного недовольства особенно резко подскочил после заключения Петром III мира с Пруссией и возвращения ей без какой-либо компенсации завоеванных кровью российских солдат земель. Этим шагом практически были сведены на нет все успехи Семилетней войны. Кроме того, Петр III настроил против себя и духовенство, поскольку по его указу от 21 марта 1762 г. началась поспешная реализация принятого еще при Елизавете Петровне решения о секуляризации церковных земель с целью пополнения опустошенной многолетней войной казны. Мало того, новый царь грозился лишить духовенство привычных пышных облачений и заменить их черными пасторскими рясами, а также сбрить священникам бороды.

Не прибавляло славы императору и пагубное пристрастие его к вину. Вдобавок он крайне цинично вел себя в дни прощания с покойной императрицей, позволяя себе непристойные ужимки, шутки, громкий смех у ее гроба. Екатерина же на протяжении всех шести недель, когда тело усопшей Елизаветы Петровны было выставлено во дворце для прощания, ежедневно подолгу стояла на коленях возле катафалка, всем своим видом выражая глубокую скорбь. В результате, по словам современников, у Петра III в эти дни не было «более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрегает ничем, что могло бы ему повредить». Екатерина также признает, что у ее мужа «во всей империи не было более лютого врага, чем он сам». Тем самым почва для переворота была основательно подготовлена самим Петром III.

Затруднительно сказать, когда именно наметились конкретные очертания заговора с целью свержения императора. Пожалуй, с большой долей вероятности это можно отнести к апрелю 1762 г., когда Екатерина после родов получила физическую возможность для реальных действий. Окончательное же решение о заговоре, видимо, созрело после случившегося в начале июня семейного скандала, когда на одном из торжественных обедов Петр III в присутствии иностранных послов и около 500 гостей во всеуслышание несколько раз кряду обозвал жену дурой. Затем последовало распоряжение адъютанту арестовать супругу, отмененное только после настойчивых уговоров Петра III со стороны принца Георга Людвига Голштинского, приходившегося императорской чете дядюшкой. Но вряд ли это изменило намерение Петра III любыми способами освободиться от жены и осуществить давнее свое желание – жениться на фаворитке Елизавете Романовне Воронцовой, которая, по отзывам близких к Петру лиц, «ругалась, как солдат, косила, дурно пахла и плевалась при разговоре». Рябая, толстая, с непомерным бюстом, она была как раз того типа женщин, которые нравились Петру Федоровичу. Во время попок он громогласно называл ее не иначе как «Романовна». Екатерине же грозило насильственное пострижение в монахини.

Времени на организацию классического заговора с длительным периодом его подготовки не оставалось, и все решалось по обстановке, едва ли не на уровне импровизации, правда, компенсированной решительными действиями сторонников Екатерины Алексеевны. Среди них был и ее тайный воздыхатель украинский гетман К.Г. Разумовский, являвшийся одновременно командиром Измайловского полка, любимец гвардейцев. Явные симпатии выказывали ей и приближенные к Петру III обер-прокурор А.И. Глебов, генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа, директор полиции барон Н.А. Корф, а также генерал-аншеф М.Н. Волконский. В подготовке переворота участвовала и 18-летняя необычайно энергичная и по-девичьи верная дружбе с Екатериной княгиня Е.Р. Дашкова, обладавшая обширными связями в свете благодаря близости к Н.И. Панину и тому, что канцлер М.И. Воронцов был ее родным дядей. Именно через не вызывавшую никаких подозрений сестру фаворитки Петра III к непосредственному участию в перевороте были привлечены офицеры Преображенского полка П.Б. Пассек, Бредихин, братья Александр и Николай Рославлевы. По иным надежным каналам устанавливались связи с другими энергичными молодыми гвардейскими офицерами. Все они и проложили Екатерине сравнительно легкий путь к трону. Среди них наиболее активным и деятельным был «выдававшийся из толпы товарищей красотой, силою, молодцеватостью, общительностью» 27-летний Григорий Григорьевич Орлов, к этому времени давно уже состоявший в любовной связи с Екатериной (в апреле 1762 г. у них родился сын Алексей). Фаворита Екатерины во всем поддерживали два его не менее «молодцеватых» брата-гвардейца – Алексей и Федор. Именно трое братьев Орловых фактически являлись

главной пружиной заговора. В конной гвардии «направляли все благо-разумно, смело и деятельно» будущий фаворит Екатерины II 22-летний унтер-офицер Г.А. Потемкин и его одноклассник Ф.А. Хитрово. В итоге к концу июня, по словам Екатерины, ее «соумышленниками» в гвардии были до 40 офицеров и около 10 тыс. рядовых. Одним из главных вдохновителей заговора был воспитатель цесаревича Павла Н.И. Панин, преследовавший, правда, отличные от Екатерины цели: отстранение от власти Петра Федоровича и установление регентства при его воспитаннике – малолетнем царе Павле Петровиче. Екатерина знает об этом, и хотя его план для нее был абсолютно неприемлем, она, не желая раздробления сил, при разговоре с Паниным ограничилась ни к чему не обязывавшей ее фразой: «Мне милее быть матерью, чем женой повелителя».

Случаем, приблизившим падение Петра III, явилось его безрассудное решение при совершенно пустой казне начать войну с Данией и самому командовать войсками, хотя всем была известна неспособность императора к военному делу. Его интересы в этой сфере ограничивались любовью к красочным мундирам, муштрой и усвоением грубых солдатских манер, которые он считал показателем мужественности. Петр III не прислушался даже к настоятельному совету своего кумира Фридриха II не отправляться на театр военных действий до коронации. В итоге привыкшей при императрице Елизавете Петровне к вольготной столичной жизни гвардии, по прихоти царя уже наряженной в ненавистные мундиры прусского образца, приказано было срочно готовиться к совершенно не отвечающему интересам России походу.

Непосредственным же сигналом к началу действий по захвату власти послужил невзначай происшедший арест вечером 27 июня много знавшего о заговоре капитана Пассека. Опасность раскрытия заговора велика. Алексей Орлов и гвардейский поручик Василий Бибииков в ночь на 28 июня спешно прискакали в Петергоф, где находилась Екатерина. Оставшиеся в Петербурге братья Григорий и Федор подготовили все для подобающей «царской» встречи ее в столице. В шесть часов утра 28 июня Алексей Орлов разбудил Екатерину словами: «Пора вставать: все готово для вашего провозглашения». «Как? Что?» – произносит спростонья Екатерина. «Пассек арестован», – был ответ А. Орлова. И вот все колебания отброшены, Екатерина с камер-фрейлиной садятся в карету, в которой прибыл Орлов. На запятках устраиваются В.И. Бибииков и камер-лакей Шкурин, на козлах рядом с кучером – Алексей Орлов. Верст за пять до столицы их встречает Григорий Орлов. Екатерина пересаживается в его карету со свежими лошадьми. Перед казармами Измайловского полка гвардейцы в восторге приносят присягу новой императрице. Затем карета с Екатериной и толпа солдат, возглавляемая священником с крестом, направились к Семеновскому полку, встретившему Екатерину громовым «Ура!». Сопровождаемая войсками, она едет в Казанский собор, где тотчас же начался молебен и на ектеньях «возглашали самодержавную императрицу Екатерину